

ISSN: 036-8455

STUDY GROUP ON EIGHTEENTH-CENTURY RUSSIA

NEWSLETTER

No. 32

JULY 2004

Contributions to the *Newsletter* should be addressed to the Editors:

Professor A.G. Cross,
Fitzwilliam College
Storey's Way
Cambridge CB3 0DG
E-mail: agc28@cam.ac.uk

Dr. Alessandra Tosi,
Clare Hall
Herschel Road
Cambridge CB3 9AL
E-mail: at10008@cam.ac.uk

Contributions are accepted in English and Russian.

Synopses of papers and book reviews are submitted without footnotes or endnotes; articles with endnotes. Refer to recent numbers of the *Newsletter* for guidance on the preparation of text and notes. Transliteration is in accordance with the modified Library of Congress system.

Enquiries about membership of the Group as well as subscriptions should be sent to the Group's Treasurer: **NOTE CHANGE OF ADDRESS**

Professor Patrick O'Meara,
Department of Russian
School of Modern European Languages
University of Durham
Elvet Riverside, New Elvet
Durham DH1 3JT

Individual subscriptions: £ 10.00

Institutions: £ 20.00

PLEASE NOTE: These amounts are to be paid in sterling only (cheque or banker's order, made out to Study Group)

With the following exception:

Individual American members may send their subscriptions (\$20.00) to:

Professor Thomas Newlin, Department of Russian,
222 Peters Hall, Oberlin College, Oberlin OH44074, USA

N.B.: Dollar cheques to be made out to T. Newlin and not Study Group

CONTENTS

page

SYNOPSIS of Papers Read at the 45th Meeting of the Study Group

- Wendy Rosslyn, "Women's Philanthropy in the Russian Empire in the Early Nineteenth Century" 1
- Joachim Klein, "Lomonosov: Early Enlightenment, Religion and the Church" 6
- Paul Keenan, "Creating a Public in Early to Mid Eighteenth-Century St Petersburg" 11
- Ольга Новикова, "Времена Очакова и покоренья Крыма: образ XVIII века в русской культуре первой половине XIX века" 16
- Елена Марасинова, "Самодержавие и дворянство (Begriffsgeschichte русского XVIII века)" 21

ARTICLES

- Т.Е. Автухович, "Дискурсивная стратегия русского романиста XVIII века: взаимодействие культурных, исторических и риторических контекстов" 29
- Кирилл Осповат, "Некоторые контексты *Утреннего... и Вечернего размышления о божием величестве*" 39

NEWS ITEM

- Eugene Beshenkovsky, "Lomonosov's Personal Library Rediscovered" 57

BOOK REVIEWS

- Vladimir M. Bychenkov and Alexander V. Chentsov, eds., *RuBriCa: The Russian and British Cathedra: An International Journal for British Studies* (Paul Dukes) 61
- L'influence française en Russie au XVIIIe siècle*. Publié par Jean-Pierre Poussou, Anne Mézin, Yves Perret-Gentil (Roger Bartlett) 65
- O. A. Omel'chenko, *Vlast' i zakon v Rossii XVIII veka. Issledovaniia i ocherki* (Roger Bartlett) 73
- Konstantin Anatol'evich Pisarenko, *Povsednevnaia zhizn' russkogo dvora v tsarskovoie Elizavety Petrovny* (Paul Keenan) 75

EDITORS' POSTBAG

79

SYNOPSIS OF PAPERS READ AT THE 45TH MEETING OF THE STUDY GROUP AT HIGH LEIGH CONFERENCE CENTRE, HODDESDON, ON 5-7 JANUARY 2004

I. WENDY ROSSLYN (University of Nottingham), "Women's Philanthropy in the Russian Empire in the Early Nineteenth Century"

The paper forms part of a study of women in public life in Russia in the early nineteenth century. The earliest stage of female participation in Russian public life has hitherto principally been investigated through the study of women's writing and reading, but here the aim is to identify their part in philanthropic activities in Russia in the period 1760-1830, and shed light on the first secular organisations run by (noble) women.

The reign of Alexander I saw improved public welfare provision, augmented from private sources. Alexander encouraged initiatives from private citizens, and when he came to power, greater freedom of expression contributed to a proliferation of voluntary associations. These were essentially a male preserve, and philanthropic societies were not much more accessible to women; rules did not exclude them, but they participated only as collectors of donations. There were a few societies with mixed-sex memberships, but for the most part women acted within separationist groups.

Women's secular philanthropic societies came into existence from 1812 onwards, not as an evolution of existing forms of female association, or as offshoots of existing societies, but as new initiatives. Work outside the home was justified by the tradition of women looking after the poor, the sick, and prisoners in the exercise of Christian duty. Female philanthropy was supported by authoritative role models, namely Maria Fedorovna, who controlled many charitable institutions, and Alexander's consort Elisaveta Alekseevna, patron of many female philanthropic

organisations. The 1812 invasion, moreover, propelled women into roles previously considered male.

Carrying out charitable work through associations allowed upper-class women of leisure to exercise spiritual gifts, administrative skills, and pedagogical talents outside the household. They could enjoy the power of decision-making, and use their influence. Collaboration provided mutual support in difficult work, such as prison visiting, allowed operations on a considerable scale, and afforded prestige, not least because of the involvement of imperial patrons. It also brought women into public life: philanthropic societies supplemented state welfare provision and worked in state institutions.

The pre-history of women's philanthropic societies includes the lay religious communities which came into existence from 1764, already researched by Brenda Meehan, a Catholic lay religious community belonging to the nursing order the Filles de la Charité, and secular charities (schools for the daughters of impoverished noble families) set up by individuals, such as the House of Industry founded in St Petersburg by the wealthy widow Ekaterina Gavrilova in 1806.

The first philanthropic association in Russia founded by women was the Women's Patriotic Society (WPS), one of several women's societies founded in 1812 to assist collateral victims of the war, especially the poor, women, and children. This was a secular organisation, founded by a group of St Petersburg noble and aristocratic ladies, whose relatives were highly-placed officials, thanks to whom they had some knowledge of workings of state administration, and influential contacts. Thanks to these, Elisaveta Alekseevna became patron and Alexander gave large ongoing donations. Imperial support signalled approval of women taking on a role in public service, influenced public opinion, and was the key to the society's ability to raise funds and its prestige. The WPS was unapologetic about gender, announcing that 'the

desire to be of use to Society does not reside in the male sex alone [...] it is fitting to prove to society now that Russian women are not inferior to their spouses, brothers, and sons in love for the Fatherland.'

The WPS adopted a standard structure with a President and a Board elected by the membership. Members contributed fees and raised funds, and supporters of both sexes made donations. The Board reported to members via annual meetings and the society was run by women, with exception of a male administrator, who kept records, and a treasurer, who kept accounts. However, speeches at public meetings were delivered by the administrator.

The WPS recruited members quickly and raised large initial funds through newspaper announcements, house-to-house collections, appeals to the public via governors of provinces, and charity concerts. At first it concentrated on war relief, dispensing money, advice, and advocacy, and opening a school for the orphan daughters of officers. The WPS worked in parallel with government and private organisations for war relief, but had a larger number of female donors subscribing in their own names, and made grants more quickly. In the first three years 700 awards were made, and as successful applications were only a small proportion of the whole, the workload was very large. The Society had detailed procedures for assessing need, and visits to the poor were time-consuming and often distressing. Later on the WPS rebuffed amalgamation with the Imperial Philanthropic Society (IPS), and concentrated on education. It ran two schools for orphans of officers and six schools for poor lower-class girls; the latter represented a significant contribution to overall elementary education for lower-class girls. Elisaveta Alekseevna participated in the running of the schools for orphans to the extent of taking personal control of the educational side.

The case of the WPS demonstrates the effectiveness of the work of novice administrators; their ability to raise and disburse large sums of money; their engagement with what would now be termed social work and educational

management; their ability to run a complex organisation over a long period; and their visibility in public life via annual meetings, newspaper reports and advertisements, and the institutions they ran.

The success of the WPS encouraged new women's philanthropic societies, most of them (10) devoted to the relief of poverty and education. Women gave assistance to the sick and poor, distributed food and clothing, provided medical treatment, and ran homes for the elderly, girls' schools, and work relief schemes. Elisaveta Alekseevna again played a large role.

After 1812 another five lay religious communities were created, some of them by women from humble backgrounds whose faith enlisted sympathisers who provided the funds and buildings which enabled the women to run a hospital, an almshouse, a home for orphans, and a shelter for pilgrims. Three more nursing sisterhoods operated. Although historians have previously considered that training of female nurses dates to the Crimean War period, it was in the aftermath of 1812 that women entered what had been a male preserve. And three women's committees for prison reform were opened. The first of these (1819) was a constituent the St Petersburg Committee for the Supervision of Prisons. Women worked within prisons and workhouses, alongside the men's committees in the same institutions, providing gender-segregated accommodation and constant supervision, ensuring cleanliness and sufficient food, teaching literacy, and inculcating good morals by Bible reading and attendance at Church services. The Petersburg committee attracted several ladies of evangelical convictions, and regularly reported to Elizabeth Fry.

Some preliminary conclusions: a) Religion was an important factor in women's philanthropy which was not only an objective response to need, but also an expression of faith. The subjective response led to a marked preference for assisting members of their own estate and the 'deserving' poor with good morals. b) Russian women's control of their own property allowed them to make financial donations in their own names and of their own volition. c) Most of Board members were from well-to-do

families and had the education required for administration. d) Women's philanthropy was not contested; it had authoritative patronage and the underpinning of tradition. e) Participation in female philanthropic associations seems in retrospect in some ways a conservative phenomenon. These women created separate organisations, rather than claiming a larger role within male ones. Even though they opened new directions in the work which upper-class women could undertake, they were moved by faith, not by the desire for social reform. Work with poor families must have shown them the effect of economic inequity on women, but they did not perceive themselves as disadvantaged in society, and believed that other women's problems could be addressed by philanthropy. Although they addressed themselves to the provision of education for girls, and to training them to be economically independent, as distinct from educating them to be wives and mothers, the aim was to preserve good morals, rather than to right a social inequity, a concern which arose only later. Nor did the other philanthropic associations look beyond palliative solutions. f) However, philanthropic associations brought women into public life, not just vicariously through print as before, but through contact with the state, in the form of its institutions, its funding, its officials, and tsardom itself. g) Philanthropy allowed Board members to act as citizens with a role in a social programme, take up occupations in social services, and learn organisational skills, which they did to such effect that many of their institutions prospered for decades.

* * * * *

II. JOACHIM KLEIN (University of Leiden), "Lomonosov: Early Enlightenment, Religion and the Church"

Lomonosov's biography is the biography of a Petrine personality. His astonishing career represents that very combination of personal merit and social mobility, which was one of the most important principles of Peter's reforms. During his whole life Lomonosov was an eloquent adherent of the great tsar, making an important contribution not only to keeping alive his ideological heritage — the early Enlightenment in its Russian version — but also to develop it further, bringing it in step with certain tendencies of Western European thought.

Lomonosov's didactic *Pis'mo o pol'ze stekla* is an important literary document of Early Russian Enlightenment and its notion of science. As indicated in its title, science is legitimised in a typically Petrine fashion — by its usefulness: in contrast to gold, which caused so much havoc in the course of human history, glass is a morally superior material, that "gladdens our spirit": "It is useful for the young, and it helps the old". The main subject matter of the epistle is a richly detailed enumeration of all those useful and pleasing things that can be manufactured from glass: spectacles, mirrors, windows, hothouses, magnifying glasses, telescopes, microscopes, the glass globe of an electrostatic machine, the barometer as an instrument, which serves to prognosticate weather, and so on. All these objects are achievements of human ingenuity, in them the idea of progress becomes manifest. An enthusiastic adherent of modernity, Lomonosov is proud of living in the present phase of world history, and he is convinced, that his own "blagoslovennyi i prosveshchennyi vek" is vastly superior to the preceding eras of world history, including classical antiquity: "O kol' so drevnimi dni nashi nesravnenny", he enthusiastically exclaims.

The enumeration and descriptions of his epistle offer Lomonosov welcome opportunities to praise science and defend it against her detractors, thereby placing

himself squarely in the historical context of the Petrine tradition. For Lomonosov, the chief enemy of scientific knowledge was the Orthodox Church, and his epistle is full of polemical allusions to clerical obscurantism. But Lomonosov's opposition against the Orthodox Church is not the whole story and must not be confused with his attitude towards the Christian religion and its Russian followers. Lomonosov knew very well that for his countrymen, who had been raised in the tradition of the Orthodox faith, the confrontation with modern science was a possibly traumatic experience that could lead to considerable inner conflicts. One of the leitmotifs of his intellectual biography therefore was the search for ways of reconciling the scientific outlook of the modern world with the religious tradition of his own country. Lomonosov thereby introduces a new element into Petrine tradition, an element, which significantly broadens its ideological horizon. In marked contrast to Peter the Great who strove to introduce the new world view in a purely confrontational fashion, Lomonosov shows a humane concern for the spiritual situation of his fellow-Russians: it is his aim to harmonize the old with the new, to make modern science acceptable to his traditionally minded countrymen and their religious beliefs, thus smoothing the way for their transition into modernity.

In these endeavours, Lomonosov used a certain current of the early Enlightenment known by the name of 'physico-theology'. This doctrine originated in Britain in the late seventeenth century and quickly gained acceptance on the continent, especially in Germany, where it was promulgated by Leibniz, by Christian Wolff, Lomonosov's teacher at Marburg University, and by the numerous adherents of what is known as the Leibniz-Wolffian school of philosophy. In post-Petrine Russia the traces of physico-theology can be found not only in the works of Lomonosov, but also of Trediakovskii, Derzhavin and others. As a doctrine, physico-theology is concerned with legitimising the study of nature from a religious point of view. In observing nature and analysing its laws, man is able to appreciate the wisdom of the Creator in an especially intense way. As a source of knowledge about the greatness of God, we

have not only the Bible, but also the 'book of Nature' — a metaphor, which was popular amongst the adherents of physico-theology and which was also used by Lomonosov in the *Addendum* to his article of 1761 on the solar eclipse. In this perspective, the study of nature acquires a specifically religious value: nature is regarded as "a mirror of God's perfection" — another metaphorical formula of physico-theology, which was famously coined by Lomonosov's teacher Christian Wolff.

The teachings of physico-theology are clearly reflected in that passage of the *Pis'mo o pol'ze stekla*, in which Lomonosov mentions the telescope. The corresponding digression focuses on the Copernican theory of the universe and its heliocentric world picture, speaking about a "plurality" of "suns" and about the earth, which, having lost its traditional position as the centre of the universe, revolves around one of these suns together with the moon and "among other planets". Implicitly arguing against the geocentric world picture of the Bible, Lomonosov goes on by saying that, even if the earth appears to be "very large" to us, it is nevertheless a mere "speck" (*tochka*) in the infinity of space. These reflections, which must have sounded provocative from an ecclesiastical point of view, and which were also liable to cause considerable anxiety about the cosmic order among the general public — in Lomonosov's epistle these reflections motivate an outburst of religious feeling, an expression of boundless veneration for God as the almighty Creator of the universe:

Kol' sozdannykh veshchei prostranno estestvo!

O kol' veliko ikh sozdavshe Bozhestvo!

Further on, this religious motif, which echoes the physico-theological idea of nature as "a mirror of God's perfection", is developed in a more detailed way. The lyrical speaker thanks God for having shown merciful concern for the earth, its cosmic insignificance notwithstanding, and for having saved it by the ultimate sacrifice of Christ:

O kol' velika k nam shchedrot Ego puchina,

Chto na zemliu poslal vozliublennago Syna!

Ne pognushalsia On na maloi shar sotti,

Chto by pogibshago stradaniem spasti.

As an enlightener, Lomonosov certainly was not a true son of the Church, but there can be no doubt about his being a devout Christian. Nevertheless, in scholarly literature Lomonosov is routinely presented as a deist, deism being regarded by Serman in his article on Lomonosov's religion as some sort of 'discreet' transition to atheism, that is "to the fullblown negation of faith and God". I think this and similar statements are widely off the mark. In contrast to traditional Christian doctrine deism propagates a 'natural' religion common to all mankind, a religion, that exists independently and prior to all religions of revelation, be that Judaism, Christianity or Islam. In Lomonosov's writings we find nothing of the sort, rather to the contrary: according to him, one of the "two books", that give us knowledge of God, is, after all, the Bible as a main source of Christian revelation.

Another aspect of deism consists in the idea that God, after having created the world, refrains from interfering in its inner workings; however, my quotation from the *Pis'mo o pol'ze stekla* about God saving the earth by the sacrifice of Christ points in a different direction. In general, scholars seem to think that Lomonosov's belief in the rational order of the universe, based on the laws of nature, is in itself sufficient to make him a deist. But that is not so: for Lomonosov there was no contradiction in sharing the scientific view of the universe and at the same time conceding that God in his Almightyness was free to occasionally suspend the working of the world-mechanism in order to effectuate a miracle, for example the Resurrection of Christ after his death on the cross. Equally groundless as the idea of Lomonosov's deism is the allegation that, for him, God the Creator is only a personification of nature, which would amount to something like pantheism. Such ideas, which bore the stigma of heresy from a clerical point of view, were alien to Lomonosov's way of thinking. Lomonosov had no ambition as a theological thinker: his goal was to defend his

beloved science against its clerical detractors; by not only asserting the usefulness of science, but also by surrounding it with a religious aura, he strove to enhance its social prestige, as well as his own prestige as a scientist in a society that was dominated by Christian values and continued to remain so for quite a while.

In following the teachings of Western European physico-theology, Lomonosov established a new type of religious devotion in Russia, one might also say: a new type of *blagochestie*. In this light, the spiritual activity of a believing Christian does not have to be oriented exclusively to the other world, but can also be rooted in the empirical world, being based on the contemplation of God's creation. From this point of view, scientific research is legitimised in a new and surprising way: the study of nature is not only useful and it does not only serve progress, but it also can be seen as a religious activity, perhaps even as an equivalent to prayer; in 1756 Lomonosov does not hesitate to begin his *Slovo o proiskhozhdenii sveta* with the following statement: "Ispytanie natury trudno, slushateli, odnako i priyatno, polezno, sviato".

* * * * *

III. PAUL KEENAN (School of Slavonic and East European Studies, University College London), "Creating a Public in Early to Mid Eighteenth-Century St Petersburg"

Although the theory of the historical public remains controversial, not least with regard to the debates surrounding the assumptions made in formulating the theory, recent work has shown that there is considerable scope for investigating how the literate public of the later eighteenth century in Russia initially emerged. Valuable scholarship has examined Russia's emerging civil society and some of its manifestations, for example, in Masonic lodges and their activities or in the plays of the period. My work examines the background to this period, focusing on St Petersburg in the first half of the eighteenth century, and the emergence of a nascent public in a space separate from, but nevertheless influenced by the State and the Orthodox Church.

Public life for the seventeenth-century Russian elite was strongly ritualised, both in terms of dress and function. *Mestnichestvo* (a strict system of precedence) governed a man's career path and determined his social position (e.g. where he sat at banquets). The Russian Court calendar had developed in the sixteenth century and was strongly linked to Orthodox celebrations and events surrounding the tsar's family, like name days. Women, although not as restricted by the *terem* as previously thought, were nevertheless limited in their social role. Social occasions, such as visiting someone's house or attending a banquet at Court, followed a long-established pattern and the *Domostroi* contained advice on social relationships, both public and private. In many respects, this situation resembles Habermas' early modern 'representative public', wherein the ruler occupied the centre of 'public' life by virtue of being the head of the State and the Court served to reflect his glory. The situation in the early eighteenth century did not change in the sense that the ruler and the Court were still at

the heart of 'public' life. What altered, significantly, was the setting.

During the reign of Peter I, there was a concerted effort to create a new set of socio-cultural norms and new public spaces in which they could be put into practice. For example, the introduction and enforcement of Western clothing and grooming was a public measure designed to affect a large number of people, since it applied to all members of the elite and urban residents - mannequins set up to show the new manner of dress at city gates. The shaving of the *boyars* in 1698 and the humiliation of others by having their *kaftans* cut to size during the first years of the reforms were both conducted in public view. The new clothing also changed the way that people moved, especially women, who had to contend with unfamiliar corsetry and wide, hooped dresses. The reforms altered the way that the Russian elite viewed themselves and others, and this had important consequences in relation to social interaction.

Another factor in this process was that women became more visible during Peter's reign, not merely by virtue of their new style of dress (with newly exposed arms and lower necklines), but also in terms of their social activities. This was hardly an 'emancipation' - service was expected of women just as it was of their male counterparts. They were given set roles at Petrine festivities, as hostesses or dancing partners, and were punished in similar terms to their male counterparts (i.e. alcohol forfeits) if they failed to participate. Advice literature, beginning with the *Iunosti chestnoe zertsalo* (1717), which drew heavily on Erasmus of Rotterdam's *De civilitate morum puerilium* (1530), a key text in Elias' 'civilising process', was translated and published to inform people about appropriate behaviour in polite, mixed company.

However, one of the most important elements that emerged during Peter's reign was in the area of public spaces in which people were able to interact socially. The space of St. Petersburg itself is very important to this discussion of the public. The conscious planning of the required appearance of the new city by Peter included laws setting out the features that the city should include (wide streets and squares, useful

waterways), the type of houses that should be built, what materials should be used and where in the city they should be located, all depending on the person's role in society. On a wider scale, the fact that the Court was based in the city and indeed the nature of the city itself lent itself to large-scale public celebrations. Peter favoured State celebrations, with a definite emphasis on military themes (for example, victory parades and anniversaries, ship launches), over the more traditional Orthodox feasts, although the latter remained very important.

The manner of the celebrations reflected Peter's wider interests, with exuberant revelry, enormous illuminations, military and naval manoeuvres all of which Peter took an active part in planning and carrying out. Participation was encouraged, not to say enforced, amongst St Petersburg's inhabitants — the celebrations surrounding both the conclusion of peace with Sweden and the subsequent ratification of the Treaty of Nystad in 1721 are prominent examples. Peter was also keen to encourage social participation in a more traditionally private setting. The *assamblei* (taken from the French) were introduced in 1718 as a gathering in a nominated house where both men and women of various social backgrounds (Peter was careful to include master shipwrights and prominent merchants) could talk amongst themselves, play cards, dance and generally interact together, regardless of the usual social barriers. However, characteristic Petrine compulsion was revealed by the armed guards used to prevent anyone leaving early or failing to enjoy himself sufficiently.

Institutionally, the establishment of a Paris-style 'police' under Anton Devier and the *General'nyi reglament* (1720) can be linked to the early modern *polizeistaat*, wherein the State controls all aspects of everyday life towards the common good. The areas that this 'police' dealt with were public in the widest sense — ensuring proper street lighting, cleanliness, safety and fire prevention. Educational institutions were intended to spread knowledge. It is no coincidence that the Academy of Sciences was intended to provide public lectures and that the *Kunstammer* invited visitors to view

its collections. They also helped consolidate the other cultural changes — for example, dancing and foreign languages became important parts of a noble's education, due to their social utility.

As with many aspects of Peter's reign, these developments did not occur in isolation, since they built on changes begun in the late seventeenth century and the process of consolidation continued well into the following decades. This was particularly important for areas that Peter expressed little interest in, such as the theatre, which became firmly established in Russia under Anna Ivanovna. The theatre became an important social forum in St Petersburg, no doubt due to the influence of the Court. It also represented a space, like masquerades and the Imperial gardens, into which other sections of society (notably Guards and senior army officers, and wealthy merchants) were invited during the reign of Elizaveta Petrovna. Such social interaction was also in evidence further down the social ladder. Dance evenings were held in hired rooms and proved popular enough for people to pay to attend them.

Correspondingly, there was a new set of words used to describe these developments. The term 'public' itself was introduced properly during Peter's reign as *publika*, taken from the Latin *publicum* or German *publikum*. The *General'nyi Reglament* (1720) distinguishes between 'public' State affairs and 'private' individual concerns, with definitions given for *publichnyi* (*vsenarodnyi*) and *privatnyi* (*osoboï*) in a glossary. In this sense, it refers to the broad mass of the people, such as those dealt with by the newly formed 'police' (*politsiia*). The meaning of 'public' gradually changed as the eighteenth century progressed, as it came to refer to a more select group within society. An explicit reference to the *publika* in the 1750s defines it as; "dlia vseï publiki, to est' kto pozhelaet iz dvorianstva, i dlia vsego kupechestva." Interestingly, this definition also implies a degree of willing participation, rather than compulsion, associated with Petrine social events. At the same time, the adjective *publichnyi* could be used to refer either to areas of wider interest (as in a public auction) or the smaller group mentioned above (as in a public masquerade at Court).

There can be little doubt that both the tsar and his Court played a vital role in creating and cultivating this type of public in Russia, certainly to a much greater extent than anywhere else in contemporary Europe. Consequently, the nature of this early eighteenth-century Russian public can be compared to a series of concentric circles with the tsar and the Court at the centre. Each circle could be said to represent a different group and a different experience of public life, from the nobility and senior military officers to the wealthy merchantry and other prominent urban groups. There were a number of ways to negotiate each of these circles, by means of birth, education, money, clothing or behaviour. Location was also very important, since those living in St Petersburg were able to experience public events like the victory celebrations simply by virtue of where they lived. Certainly this rather amorphous public was not yet one of 'taste' or capable of informed opinion, as had emerged in Russia by the late eighteenth century, nor was it a large or inclusive body, as in some other European examples. Nevertheless the forms and activities of this public raise interesting issues about the role of the Court as a cultural institution and the development of eighteenth-century Russian society.

* * * * *

IV. ОЛЬГА НОВИКОВА (Бельгия), “Времена Очакова и покоренья Крыма: образ XVIII века в русской культуре первой половине XIX века”

Стоя на пороге девятнадцатого века, А. Радищев и Н. Карамзин окинули прощальным взглядом век уходящий и сказали о том, что было неповторимыми, отличительными чертами умирающего столетия. Радищевское стихотворение *Осьмнадцатое столетие* и карамзинское эссе *Мелодор Филалету. Филалет Мелодору* наметили основные темы образа восемнадцатого века – успехи просвещения, личность и царствование Петра и Екатерины. Если мы добавим к ним ещё одну – русские люди восемнадцатого века, мы получим практически полный перечень тем, которые встают в памяти человека девятнадцатого столетия, когда он думает о веке минувшем. Анализ интерпретации этих тем, за исключением одной – образы Петра и Екатерины, о которой существуют отдельные работы, русскими людьми поколения двадцатых, тридцатых и сороковых годов, составляет предмет настоящей работы. В силу особой сложности и многозначности художественного текста и очевидных трудностей сравнения его ‘на равных’ с текстами нехудожественными, художественные произведения также остаются за пределами данной работы. В ней анализируются в основном те произведения, в которых рефлексия преобладает над фабулой.

Успехи просвещения. К этой теме относятся нередкие тексты, которые мы могли бы квалифицировать как попытки создать историю новой русской литературы (литература допетровской эпохи, за редкими исключениями объявлялась несуществующей).

Как известно, в русской культуре литература занимала особую роль. Прежде всего литература была неотделима от идеи просвещения. Показательно, что В. Веневитинов, назвав свою речь *О состоянии просвещения в России*, посвятил её целиком описанию состояния литературы.

Кроме того, разные времена литература могла служить образцом для построения новой реальности; лабораторией, где творился новый русский язык; политической трибуной, наконец. Для человека начала девятнадцатого столетия «словесность народа есть говорящая картина его нравов, обычаев, и образа

жизни» (О.М. Сомов, *О романтической поэзии*). Причем речь шла не об изображении нравов народа, а о воплощении народной идеи. Словесность таким родом превращалась в важнейшее средство самопознания нации, а литераторы принимали на себя двойственную функцию исследователей и воспитателей народного духа. Поэтому так важно было составить верную картину подлинных литераторов, отвергнув тех, кому не удалось раскрыть народную идею.

Наконец, приверженность тем или другим литературным вкусам могла отождествляться с политической ориентацией. Н. Полевой описал, с какой легкостью в сознании эпохи создавались «политически-литературные партии» (*О романах Виктора Гюго и вообще новейших романах*).

В двадцатых и тридцатых годах XIX века были предприняты многочисленные попытки создать историю русской литературы, то есть представить прошлое отечественной словесности не в виде словарей, подобных новиковскому или карамзинскому, а в виде определенной литературной иерархии. Н. Греч, В. Жуковский, К. Батюшков, А. Пушкин были в числе авторов, создавших или пытавшихся создать историю литературы восемнадцатого столетия.

Взгляд на старую и новую словесность в России (1823) А.А. Бестужева была одной из таких попыток, вызвавшая многочисленные отклики. Автор решил написать её в противовес *Опыту краткой истории русской литературы* Н. Греча (1821).

Бестужев определил хронологические рамки «старой словесности» - до 1808 года (другие авторы обычно 'продлевали' её до 1814 года) и разделил XVIII век на две части - до и после Екатерины Великой. Заметим, что Батюшков (см. План истории русской литературы из *Чужое: моё сокровище!*) предлагал деление словесности по литературному принципу, говоря об эпохах Ломоносова, Фонвизина, Державина, Карамзина и т.д.). Статья Бестужева, как заметки Батюшкова, вписывались в рамки спора между архаистами и новаторами, ставя в качестве одного из основных критериев их заслуги в создании литературного языка (см. также *Вечер у Кантемира* Батюшкова). Поиск 'чистого', незагрязненного иноязычными заимствованиями языка означал на деле поиски народности, ибо считалось, что основы народности сохранялись в языке.

Работа Бестужева выстраивала новую иерархию русских писателей, отвергая некоторые авторитеты и возводя на пьедестал новые. При этом подчеркивалась разность критериев оценки потомков и современников. А. Пушкин упрекнул Бестужева в отсутствии в его истории имени Радищева.

Интерес к этому опальному писателю сопровождал Пушкина всю жизнь, хотя отношение к нему было сложным и, по-видимому, менялось с годами. Полемике с ним были посвящены статьи 1833-1836 годов *Путешествия из Москвы в Петербург и Александр Радищев*.

В 1830 году И. Киреевский, пока еще не славянофил, опубликовал *Обозрение русской словесности за 1829 год*. В ней он вспоминал другое забытое имя - Н. Новикова. В памяти современников эта работа запечатлелась как *статья о Новикове*.

В тридцатые же годы П. Вяземский написал свою книгу *Фон-Визин*, в которую вводил обзор литературы XVIII века. Вяземский предлагал новое видение литературы, которая не только должна была пассивно отражать черты нации. Между ней и обществом должно было существовать непрерывное взаимодействие, ей надлежало быть в некотором роде трибуной гражданского общества. Только у Фонвизина Вяземский видит проблески такой народной, гражданской литературы.

В сороковые годы В. Белинский в статьях *Сочинения Александра Пушкина* оценил литературу XVIII века с точки зрения народности, понимаемой диалектически. В свете гегельянской диалектики заимствование Карамзиным французских идей или идиом оказывалось проявлением народности. Любопытно отметить, что понятию романтизм Белинский придавал тот же накопительный смысл, который обычно придавался просвещению, понимая его как итог, вершину развития. При этом литература XVIII века описывалась как подготовка пушкинского, романтического, подлинно народного периода.

А. Герцен также увидел в литературе XVIII века лишь подготовительный этап. Однако, на этот раз речь шла о подготовке «новой фазы политического воспитания». В своей книге *О развитии революционных идей в России* (1851) он утверждал, что в России существует то взаимодействие между обществом и литературой, о котором мечтал Вяземский: «В России все, кто читают, ненавидят

власть; все те, кто любит её, не читают вовсе или читают французские пустячки».

В тридцатые и сороковые годы в России история превратилась в важный аргумент в спорах между 'европеистами' и сторонниками самобытного пути развития, спорах которые участники также считали 'литературой'. Исключение из этого правила – исторические произведения Пушкина, являющие собой строгую, в карамзинском стиле, попытку создать документально точное описание исторических событий, а не философское построение, опирающееся на избранные исторические факты. Однако Пушкину принадлежит и более идеологическая работа – *Заметки по русской истории XVIII века*. С точки зрения просвещения, народной свободы и народности в ней рассматривались царствования Петра и Екатерины. В отличие от Петра, правление Екатерины подвергалось осуждению.

П. Чаадаев в своих письмах также оценивал царствования Петра и Екатерины. С его точки зрения, оба эти правления отличались «национальным направлением» и успехами просвещения.

В статье 1832 года *Девятнадцатый век* И. Киреевский, в ту бытность европеист, также высоко оценил заслуги Петра и Екатерины в деле просвещения и народности. Новым было его утверждение, что просвещение начало вводиться, хотя и медленно, до Петра.

К. Кавелин, другой представитель партии европеистов, в статье *Взгляд на юридический взгляд древней России* (1846) подчеркивал надуманный характер критики подражательного, чужеродного характера вводимого при Петре просвещения. Он заявлял, что Петр не думал вводить иностранное вместо русского, он лишь желал исправить русские недостатки.

По свидетельству А. Никитенко, существовали письма славянофила Ю. Самарина, в которых критиковалась явно, а не опосредовано вестернизация русского общества – официальная политика российского правительства в XVIII веке. Но эти письма, как и другие похожие документы, не дошли до нас.

Русские люди XVIII века. К этой теме принадлежит ряд разножанровых текстов. Люди XIX века остро чувствовали, как непохожи были их предки на их самих, как они были особенны.

А. Пушкин с его обострённым чувством исторического записал много устных рассказов о людях XVIII века. Нередко они воспроизводят остроту, 'портретное слово'. Общее для многих из них – тема личной независимости, выражаемой иногда в самых эксцентричных формах.

П. Вяземский, оставивший несколько зарисовок людей конца XVIII столетия, также выделял их независимость особого рода – не политическую, а личную и самобытную. Утверждая, что «оригинальность [...] есть своего рода доблесть», автор с ностальгией описал патриархальную простату и искренность отношений. Большое внимание он уделил женским типажам. Материнские образы рассудительных, с ясным умом и любящим сердцем, женщин екатерининской эпохи казались ему достойными образцами для подражания.

А. Герцен тоже оставил зарисовки екатерининских тузов, русских оригиналов. Но он объяснял их оригинальность столкновением человека, воспитанного в духе идей просвещения, и русской жизни. Их несовместимость приводила к катастрофическим для индивидуума последствиям. Примеры этому Герцен видел в собственной семье. Если для Вяземского люди екатерининской эпохи – повод порассуждать о «мастерстве жизни», для Герцена они – лишние люди, неспособные адаптироваться к чуждой среде.

Герцена также интересуют женские типы XVIII века. Но, в отличие от Вяземского, его привлекают активные, независимые, сильные женщины, в которых он видит предшественниц 'женщины-сестры', соучастницы работы освобождения и преображения человека, который был его личным идеалом.

В заключение мы могли бы сказать, что люди XIX века рассматривали предшествующее столетие как подготовительную ступень того, что происходило в России в их собственное время. Они подходили к XVIII веку с мерками развития народности, просвещения, активности общества, личной независимости или развития революционных идей, т.е. с теми критериями, которые были актуальны для них самих. Они неоднократно пересматривали вклад деятелей культуры XVIII века, вызывая из мрака забвения одни имена и отвергая другие. Они заложили основу тому образу восемнадцатого столетия, который до сих пор живет в русской культуре.

V. ЕЛЕНА МАРАСИНОВА, “Самодержавие и дворянство (Begriffsgeschichte русского XVIII века)”

Проблема эволюции доктрины российского самодержавия и ее воздействия на сознание дворянства имеет богатейшую историографию. Однако, несмотря на обилие работ, наиболее разработанными остаются вопросы, связанные с основными ценностями и приоритетами государственной доктрины, с одной стороны, и имиджа императора в сознании подданных - с другой. Меньшее внимание уделяется в историографии иному вектору взаимоотношений монархии и общества: остаются недостаточно изученными каналы воздействия официальной доктрины на сознание представителей господствующего сословия и степень результативности функционирования государственной концепции, иначе говоря, 'обратная связь', на которую рассчитана любая идеология.

Воссоздание механизмов воспитания государственного сознания у политически активной элиты дворянства, которая и стала главным носителем имперской идеологии, особенно актуально для периода XVIII в., когда отношения власти и дворянства принципиально изменились. Указ 1714 г. о единонаследии, уравнивший юридический статус вотчины и поместья, и Манифест 1762 г. о вольности дворянства законодательно закрепили превращение служилого сословия в господствующий класс, владеющий землей и свободный от обязательной службы. В результате самодержавие лишилось мощных экономических и юридических рычагов, принуждающих дворянина нести государственную повинность. Именно в XVIII в. интенсифицируется сложный механизм идеологического и социально-психологического воздействия официальной доктрины на сознание дворянина, при этом терминология и символика становятся важнейшим орудием социального контроля со стороны власти.

В данном контексте русский XVIII век условно может быть назван 'столетием семиотики'. Именно в России на протяжении XVIII столетия по высочайшему повелению был изменен титул монарха и название страны, варьировались официальные наименования подданных и различных сословий, этикетные формы обращения к императору и чиновникам, один за другим

издавались указы о 'знаковых' преобразованиях алфавита, летоисчисления, стиля одежды, планировки городов и т.д. Термин и его трактовка в XVIII веке становятся важнейшим аргументом в политическом споре, средством убеждения и одновременно осмысления действительности. Показательно, что необходимость реформы Сената и учреждения Императорского Совета канцлер Н.И. Панин пытался донести до Екатерины II через рассуждения о содержании таких понятий, как 'просвещенный монарх', 'самодержавие', 'самовластие', 'кроткий государь' и т.п.

Каналы воздействия власти на сознание дворянства могут быть рассмотрены, условно говоря, на трех уровнях: уровне имперском, сословном и личностном.

I. Особая роль самодержавного государства в российской истории повлияла на содержание ведущей компоненты общественного сознания, которая неразрывно была связана с образом монарха, персонифицирующего собой власть и отечество. Именно поэтому репрезентация верховного правителя и, в частности, его официальная титулатура, изменяющаяся на протяжении XVIII века, могут рассматриваться как один из важнейших каналов воздействия власти на сознание подданных.

22 октября 1721 г. в связи с празднованием победы над Шведской короной российскому монарху был преподнесен титул императора и наименования 'Отец Отечества и Великий'. Новая титулатура не принесла Петру больше власти и не усилила сакрализацию его образа. В абсолютистской России суверен был уже не однажды назван 'министром Всевышнего' и без дополнительных званий являлся самодержавным правителем. Новый титул должен был 'обслуживать' прежде всего возросшие внешнеполитические амбиции России, которые необходимо было обосновать не только оружием, но и идеологией.

После Полтавской победы Петру и его сподвижникам стало совершенно ясно, что страна имеет теперь все основания войти в европейский мир могущественной державой, и логично, что имя этой державы будет Российская империя. Титул императора уравнивал статус российского монарха и высшего 'потентата' Европы, императора Священной Римской империи. Неслучайно

Петербург на протяжении нескольких десятилетий добивался признания за страной статуса империи.

Для народа же монарх был, 'есть и пребудет' прежде всего 'державнейшим самодержцем' и 'государем всемилостивейшим', что отразилось, в частности, в официально определенных для подданных этикетных обращениях к верховному правителю. Через три недели после торжественного празднования в Петербурге Ништадтского мира был обнародован формуляр императорских титулов в указах, прошениях, приговорах. В 'грамотах в иностранные государства' и в 'грамотах внутрь государства' монарх теперь именовался 'Петр Первый, Император и Самодержец Всероссийский'. В посланиях подданных императору формуляр требовал иного обращения: 'Всепресветлейший, Державнейший, Император и Самодержец Всероссийский, Петр Великий, Отец отечества, Государь Всемилостивейший'.

Таким образом, сила и авторитет власти воплощались, прежде всего, в понятии 'Самодержец', а воспитываемое в подданных ощущение личной зависимости от монарха - в обращении 'Государь Всемилостивейший'. Заданные формуляры вобрали в себя как бы несколько статусов российского монарха: для Европы он стал, или, вернее, ему предстояло стать, императором, для собственного государства он оставался 'самодержцем всероссийским', для народа - 'государем всемилостивейшим'. На протяжении всего XVIII века монарх, официально именуемый 'Его (Ваше) Императорское Величество', в повседневной речи подданных очень часто будет называться государем, Российская империя - Россией, если речь будет идти о стране, и отечеством, если за эту страну нужно проливать кровь.

Неслучайно в 1767 г. императрица отклонит преподносимые ей в связи с публикацией *Наказа* и открытием Уложенной Комиссии титулы: 'Екатерина Великая, Премудрая, Мать Отечества', не иначе как рассудив, что власть 'державнейшей самодержицы' над подданными не нуждается в терминологическом усилении, а позиции российской императрицы в Европе разумнее укрепить не наименованием 'Мать Отечества', а репутацией венценосной законодательницы.

В текстах присяг, указах о награждениях, в Жалованной грамоте дворянству и т.д. долг 'ревностного служения' императрице наделялся мировоззренческим смыслом и неразрывно связывался с образом 'Всемиловитейшей Государыни, Самодержицы Всероссийской'. Вся мотивационная сфера личности подданного была подчинена этой ценности, которая являлась основой патриотического чувства дворянства и воплощалась в формуле 'служба государю и отечеству'.

II. Сословное самосознание дворянина растворялось в государственном, что всячески стимулировалось властью через официальные наименования высшего сословия и систему социального престижа, поддерживаемую в среде господствующего класса.

Как известно, понятие 'дворянин' в русском языке происходило от слова 'двор' и первоначально означало приближенного великого князя, а затем царя. Окончательно термин 'дворянство' для обозначения всего господствующего класса утвердился при Екатерине II. С 1754 года высшее сословие стали официально именовать 'благородным', что указывало не столько на древность и знатность происхождения его представителей, сколько на дарованное государем привилегированное положение. Официальное понимание термина 'благородный', отождествляемого с принадлежностью к привилегированному сословию, подразумевало преданную службу и близость к императору, чей образ персонифицировал власть и государственность. Обязанностью дворянина продолжало оставаться ревностное исполнение служебных обязанностей, а 'почет' и 'честь' верноподданному гарантировала высочайшая власть.

Начиная с Табели о рангах 1722 года идет формирование системы социального престижа, центральным символом которой становится дарованный государством чин. Бюрократический статус, потеснив родовое достоинство, превращается в определяющий критерий оценки дворянина в обществе.

На протяжении XVIII века в Западной Европе стремление заявить о превосходстве 'благородного состояния' было связано с усилением буржуазии, которая оспаривала приоритетные позиции дворянской аристократии. Внесословное индивидуализированное содержание понятия 'честь' выкристаллизовывалось именно в городской недворянской среде, соединялось с

набором 'буржуазных добродетелей' (bürgerliche Tugenden), прежде всего 'почтенностью, степенностью, благопристойностью', и вдохновлялось рационализмом Просвещения.

В России второй половины XVIII века не было социальной силы, способной потеснить единственное привилегированное сословие и противопоставить высочайше пожалованному званию 'благородного' собственное столь же весомое понимание общественного престижа. Неслучайно положение всех групп на иерархической лестнице официально определялось как 'состояние', и лишь принадлежность к высшему сословию именовалась 'дворянским достоинством'. Представители нарождающейся и политически беспомощной буржуазии с завистливым почтением воспринимали дворянский гонор, стремились проникнуть в состав класса феодалов и усвоить 'благородный' образ жизни. Для власти 'народом', 'гражданами', 'публикой' были прежде всего дворяне. Однако элитарность господствующего сословия определялась службой монарху, которая считалась главной привилегией дворянина.

В Западной Европе, например в Пруссии, определение 'благородный' по отношению в дворянству имело длительную, уходящую в средневековые традиции, и не было, как в России, всемилостивейше даровано в середине XVIII века. К рассматриваемому периоду в немецком, английском и французском языках термины 'благородный' и 'дворянин' стали практически омонимами (ср. 'Adel', 'edel', 'nobility', 'noble', 'noblement', 'noble', 'nobiliaire', 'de la noblesse'). В России же на уровне обыденного сознания эпитет 'благородное' так и не закрепился устойчиво за 'дворянством'.

Идея верноподданнической обязанности затмевала собой собственно сословные цели дворянства, растворяла их в государственном интересе и препятствовала формированию политической культуры господствующего класса. Процесс формирования государственного сознания дворянина, получивший мощный импульс во время петровского царствования, завершится в годы правления Екатерины II и будет иметь непредсказуемые для власти последствия и далекие от предполагаемых результаты.

III. На протяжении XVIII века изменяется и отношение власти к личности подданного, что было, в частности, зафиксировано в новом формуляре прошений

на высочайшее имя. Терминологию столь популярных в различных слоях общества посланий государю и само наименование петиций правительство использовало как один из каналов воздействия на сознание индивида.

Если в конце XVII века податное население в прошениях царю должно было подписываться 'сирота твой', духовенство - 'богомолец твой', служилые люди - 'холоп твой', то с марта 1702 года для петиций монарху вводилась унифицированная подпись - 'Вашего Величества нижайший раб'. Единый для всех формуляр 'Вашего Императорского Величества нижайший раб' и отражал, и стимулировал дальнейшую сакрализацию личности монарха в русском общественном сознании, что, кстати, подтверждает и смысловое наполнение некоторых русских пословиц: 'раб Божий всякий человек', 'пред Богом все рабы'. В данном контексте понятие 'раб' было практически лишено уничижительного значения. В России XVIII в., где служба монарху возводилась в ранг важнейшей мировоззренческой ценности, роль 'слуги царя' столь же возвышала подданного, как смирение 'раба Божьего' украшало праведника. Кроме того, в стереотипной фразе 'Вашего Императорского Величества нижайший раб' понятие 'раб' имело метафорический смысл, далекий от содержания слов 'невольник' или 'обращенный в собственность', и приближалось по своему значению к этикетной подписи 'покорнейший слуга'.

В 1786 году словесная форма выражения зависимости от престола автора послания императору принципиально изменялась. В указе Екатерины II *Об отмене употребления слов и речений в прошениях на Высочайшее имя* трансформировалась как идентификация самого факта обращения к монарху и название петиции, так и официально задаваемая подпись автора. Законодательно санкционированная замена термина 'раб' на термин 'подданный' являлась показателем трансформации отношений власти и населения и импульсом для развития института подданства в российском обществе. Обращает на себя внимание тот факт, что термин 'подданный' согласно указу 1786 г. в качестве подписи становится обязательным лишь для определенного вида посланий на имя императрицы, а именно, для реляций, донесений, писем, а также присяжных листов и патентов. Формуляр жалобниц или прошений, исключаящий слово 'раб', в то же время не предполагал этикетной формы 'подданный',

‘верноподданный’ и был ограничен нейтральной концовкой ‘приносит жалобу или просит имярек’. А если учесть происходящее на протяжении XVIII в. стремительное сужение привилегированного слоя, представители которого имели реальное право адресовать свои послания непосредственно императрице, то станет очевидно, что собственно подданными власть признавала очень избранную группу людей. В 1765 г. был опубликован указ, запрещающий подавать прошения лично императрице, минуя соответственные присутственные места. Следовательно, на ‘беспосредственное’, как говорили в XVIII в., обращение с жалобами или прошениями к императрице могло рассчитывать лишь ближайшее окружение, направляющее Екатерине не челобитные, а письма, что свидетельствовало о стремлении императрицы к иному уровню контактов именно со своим ближайшим окружением, в котором она хотела видеть партнеров, а не челобитчиков.

Однако в посланиях на высочайшее имя интеллектуальная элита упорно продолжала подписываться ‘нижайший раб’, но одновременно в личной переписке и философских трактатах вырабатывалось отличное от официозного понимание некоторых устоявшихся, близких к стереотипу социальных терминов.

Так, понятие ‘благородный’ в текстах образованной знати приобретает этический смысл, незамутненный сословным гонором главных слуг монарха. В источниках личного происхождения практически не зафиксировано употребление понятия ‘благородное дворянство’, исполненное признания высоких нравственных качеств его представителей. В то же время начинает переосмысливаться и понятие ‘подлый’. “В *низком* состоянии можно иметь благороднейшую душу” - писал Д.И. Фонвизин в *Опыте российского словника*. Если для власти существовала единая и неделимая формула ревностной преданности государю, то дворянин второй половины XVIII в. начинал различать придворную службу, службу императору и службу Отечеству. Стремление образованной личности второй половины XVIII в. к духовному совершенствованию повлияет в дальнейшем на осознание возможности служить Отечеству лишь сохранением собственной высокой нравственности. В 1826 г., за несколько месяцев до смерти, историк и писатель Н.М. Карамзин напишет: “Любезное Отечество ни в чем не может меня упрекнуть. Я всегда был готов

служить ему, не унижая своей личности, за которую я в ответе перед той же Россией".

Воспроизведенный в многотомных исследованиях феномен западноевропейской индивидуальности, так или иначе ориентированной на интересы конкретной социальной группы, уважающей закон и стремящейся свои отношения с государством выстроить на основе взаимных прав и обязанностей, затмил явление русского оппозиционно настроенного интеллектуала. Определенная правовая индифферентность дворянской фронды XVIII века, культивирующей независимость духовной жизни, станет отличительной чертой сознания русской интеллигенции в XIX столетии.

Сила, и следовательно, опасность этой фронды заключалась не в наступлении на политические prerogatives монархии, а в непонятной для европейской правовой культуры способности жить помимо государства, находить или создавать свою нишу при режиме абсолютизма. Самодержавие в России было ограничено не законом, а личностью, и не в области политики, а в сфере внутреннего мира фрондирующего дворянина. Этот по-своему уникальный для европейской истории процесс начнется в царствование Елизаветы и завершится в первой половине XIX столетия. Суть его будет парадоксально сформулирована Ломоносовым и спустя несколько десятилетий воспроизведена Пушкиным. В 1761 году ученый заявил блистательному вельможе И.И. Шувалову: "Не токмо у стола знатных господ, или у каких земных владетелей дураком быть не хочу; но ниже у самого господ Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет". В дневнике 1833-1835 гг. поэт запишет: "Но я могу быть подданным, даже рабом, - но холопом и шутом не буду и у царя небесного".

* * * * *

ARTICLES

I. ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ РУССКОГО РОМАНИСТА XVIII ВЕКА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУРНЫХ, ИСТОРИЧЕСКИХ И РИТОРИЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ.

Еще В.В. Сиповский указывал на то, что из всех литературных жанров в русской литературе XVIII века именно роман в наибольшей степени отразил проникновение идей Просвещения в сознание современников.¹ Исследование этих рефлексий на проблемно-тематическом уровне было в центре внимания литературоведения на протяжении нескольких десятилетий.² Однако в данной статье речь пойдет не о примерах прямой трансляции этих идей со страниц художественных произведений, что главным образом интересовало исследователей предыдущего поколения,³ а о трансформациях просвещенческого комплекса в дискурсивной стратегии русского романиста XVIII века. Необходимость такой постановки проблемы обусловлена тем, что в романе идеи Просвещения попадали в поле взаимодействия различных – культурных, исторических, риторических – контекстов, и это обуславливало их специфическое преломление. Значит, через анализ дискурсивной стратегии романиста XVIII века можно реконструировать «морфологию мысли» (формула Я.Э. Голосовкера)⁴ воспринимающего субъекта – не творца идей, а их рядового потребителя (реципиента). Как существенный аспект этой проблемы затрагивается вопрос о нарративной технике романиста XVIII века, которая отражает процесс жанрового самоопределения раннего русского романа. Диапазон рассмотрения в статье ограничивается двумя полюсами, репрезентирующими так называемые «высокую» и «низкую» линии в развитии русского романа XVIII века,⁵ – творчеством Ф.А. Эмина как автора *Непостоянной Фортуны, или Похождения Мирамонда* и А.П. Назарьева как автора *Несчастливого Никанора, или Приключения жизни российского дворянина Н^{xxxxxx}*.⁶ Другие произведения русской романистики второй половины XVIII века привлекаются лишь в качестве контекста.

Эпоха Просвещения в России – это время разрушения нормативного, ритуализованного, иерархического мироустройства, время либерализации власти. Утверждение естественного равенства людей и внесловной ценности личности, вера в возможность создания гармоничного миропорядка, который регулируется мудрыми, справедливыми законами, и в этом русле острая критика крепостного права,

сословных предрассудков, невежества дворян, претендующих на ведущее положение в общественном устройстве, наконец, критика деспотической системы власти – характерные приметы первой эпохи гласности в России в 1760-е годы, которая формируется в результате проникновения идей европейского Просвещения. Общество в это время входит в новое, 'модерное', состояние, приобретает черты лиминального, переходного. Характерным свойством такого состояния является повышенная авторефлексивность: в отличие от человека ритуала, каковым был человек эпохи классицизма, не знавший авторефлексии, мысливший категориями нормы, правила, живший в парадигме *decorum*-поведения (термин Р. Лахманн)⁷, человек переходного, лиминального сознания постоянно озабочен желанием осмыслить состояние изменившегося, «разломанного», непонятного, утратившего прозрачность мира, восстановить утраченные причинно-следственные связи, уловить новую иерархию ценностей, понять свое место в новом мире.

Уровень бытового восприятия, переживания просветительской философии и отразила русская романистика 1760-1770-х годов, которая создавалась маргиналами, представителями социальной (М. Чулков, М. Комаров), этнической (Ф. Эмин), ментальной (А. Назарьев) периферии. Обращаясь, как правило, к документальному (биографическому, историческому) материалу, они включали его в рамки традиционной романной топики. Однако если документальный материал вводился в повествование, как правило, в необработанном, неотобранном виде (например, Эмин в *Непостоянной фортуны*, следуя за передвижениями своего героя из страны в страну, вводит обширные сведения об их климатических условиях и географическом положении, о политическом устройстве, а также о традициях народов, населяющих их, а Назарьев документирует любовные приключения Никанора данными собственной служебной биографии), то традиционная фабула любовно-авантюрного романа подвергалась существенным трансформациям, в которых и реализовалась дискурсивная стратегия романиста. Анализ этих трансформаций позволяет выявить, как массовое сознание переходной эпохи воспринимало новые идеи века.

Синтез документального и условно-литературного материала отражает доминирующую установку русских романистов на осмысление новых просветительских веяний. При этом если в романах 'высокой' линии, представленной произведениями Эмина, документальный слой максимально ориентирован на прямую публицистическую пропаганду идей Просвещения,⁸ то в романах 'низовой' линии он

используется авторами для жанрообразовательных целей: соотнесение документа и вымысла означало, по удачному определению В.В. Сиповского, 'романизацию' жизни и - параллельно - 'мемуаризацию' романа, что в конечном итоге вело к выработке новых, характерных для прозы Нового времени повествовательных принципов. Одновременно в пределах условного романного сюжета осуществлялся интенсивный процесс актуализации традиционной романной топики как «овеществленного социального стиля» (М.М. Бахтин). Именно поле условного сюжета традиционно, со времен античности, отражало сдвиги в социокультурной ситуации и в массовом сознании эпохи. Традиционная романная топка, представая в каждую эпоху в новой конфигурации, фиксирует динамику коллективного бессознательного, в равной степени обладающего свойствами устойчивости и подвижности, поскольку все изменения внешнего мира корректируются в массовом сознании с помощью стабильных адаптивных приемов. Одним из них, согласно многочисленным исследованиям,⁹ является характерная для массового сознания парадигма свои/чужие: поскольку все непонятное в человеческом сознании всегда ассоциируется с чужим, то присвоение этого непонятного подразумевает его перевод в свое. Механизмы этого перевода реализуются в некоторых общих для романистов дискурсивных приемах.

Прежде всего, во всех русских романах 1760-1770-х гг. присутствует типологическая ситуация, заданная названием первого русского романа *Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда*: фортуна, случай, эта трансформация традиционной романной темы судьбы, адаптирует на уровне массового сознания просветительскую идею внесловной ценности личности. Герои романов Эмина, Назарьева, Комарова и Чулкова на своем жизненном пути познают взлеты и падения, богатство и бедность, приближаются к вершинам власти и низвергаются в рабство. Герои, как и авторы, тоже являются маргиналами, чужими везде, куда бы ни они ни попадали: скитания турка Мирамонда по странам Африки и Европы, постепенная утрата жизненных позиций русским дворянином Никанором и возвышение солдатской вдовы Мартоны до статуса богатой содержанки, превращение мошенника Ваньки Каина в удачливого сыщика – это истории людей, которые пытаются обустроить свой мир путем постоянного пересечения границ, границ территориальных, социальных, имущественных, нравственных, профессиональных. В их судьбах отразилась столь характерная для Века Просвещения жизненная философия, породившая как великих авантюристов эпохи, так и мелких искателей удачи, - философия случая.

В идее случая срабатывает адаптивный механизм, который позволяет массовому сознанию совместить традиционные представления и новые идеи, характерные для идеологической и социокультурной ситуации эпохи. Именно с помощью случая предписанные социальные статусы причудливо совмещаются с достигнутыми социальными ролями. В то же время достигнутое благодаря случаю положение героев ненадежно и изменчиво, и это свидетельствует о неукорененности новой ценностной системы в массовом сознании и о ее смысловой неопределенности.

Как способ снять эту неопределенность можно рассматривать характерный для всех анализируемых романов принцип изображения власть предержащих. На наш взгляд, есть типологическое соответствие между новаторским подходом Г.Р. Державина к образу Екатерины II в оде *Фелица*, в которой поэт интимизирует парадный портрет императрицы, и аналогичной по сути, хотя и принципиально иной по результатам, попыткой романистов показать контакты своих героев либо с царским семейством, либо с высшими слоями общества. И в случае Державина, и в случае Эмина, Назарьева, Чулкова и т.д. исходной идеей, провоцирующей именно такое направление творческого осмысления действительности, является идея человека на троне, генетически связанная с идеей просвещенного абсолютизма. Однако если Державин сокращает дистанцию между собой и императрицей, устанавливая общность философских, творческих интересов, то есть переводит общение с адресатом оды с социального на бытийный уровень, то в романах присутствует противоположная интенция, смысл которой – в обытовляющем снижении, в приближении власти к уровню бытовых представлений, характерных именно для массового сознания. Вот почему в *Непостоянной фортуны* главного героя, Мирамонда, недавнего раба в каменоломнях, затем оруженосца, пламенно любит дочь его хозяина Осман-бея Зюмбула и домогается коварная королева Белили, при этом обеих женщин не останавливает сословная дистанция между ними и предмет их страсти. Непреклонность Мирамонда, который готов умереть, но не уступить любовной агрессии Белили, отражает подсознательное стремление повествователя возвысить своего героя путем снижающего изображения героини.

Дискурсивная стратегия автора ориентирована на ожидания массового читателя, понаслышке знающего о матримониальных традициях царского двора, о практике фаворитизма (наиболее очевидного проявления 'случая'), и потому любовный сюжет у Эмина отличается фантастической с точки зрения бытового

правдоподобия недостоверностью. Столь же недостоверна представленная в романном обрамлении ситуация рассказывания бездомным, опустившимся приживалом Никанором истории своей жизни некоей сиятельной княгине. В то же время эта демонстрация 'приближенности' к верхам за счет игнорирования социальной дистанции парадоксальным образом выявляет преломленные в массовом сознании идеи внесловного равенства людей.

В обоих случаях – и в романе Эмина, и в романе Назарьева – проявляется одинаковый механизм освоения нового, неизвестного – механизм негативной идентификации, суть которого в том, что непонятное переводится на уровень собственного, снижающего понимания. Царствующим особам у Эмина, собеседнице-княгине у Назарьева приписываются поведенческие стереотипы, понятные для массового человека, в данном случае для автора и его потенциального читателя, – мелодраматичные излияния, коварство, любопытство к чужой жизни и т.д. Приведу один колоритный пример: королева Белиля принимает прибывшего к ней с докладом Мирамонда, лежа в постели, и предлагает ему свою любовь. В данном эпизоде налицо демонстративное отрицание ритуальности, этикетности поведения царствующих особ, что можно квалифицировать как метонимическую интерпретацию политики либерализации власти, которая происходила в первые годы царствования Екатерины II.

Важно и другое: вымышленный сюжет у Эмина и Назарьева подчиняется поэтике слухов, рассказней, небылиц – того «промежуточного слоя» словесности, который «можно определить как подсознание культуры»,¹⁰ в данном случае – как подсознание автора и его потенциальных читателей. Для утратившего свои социальные позиции автора *Никанора* и для только завоевывающего социальный статус в чужой стране Эмина невероятные взлеты их героев – это идеальное представление своих биографий, изживание собственной нереализованности в похождениях персонажей. Более чем когда-либо, именно роман XVIII века представляет собой в этом отношении персональное высказывание.

В то же время нельзя не увидеть в подобной дискурсивной стратегии определенную психологическую интенцию повествователя, которая включает в себя два противоположных начала: подчеркнуть свою отмеченность, исключительность и в то же время обозначить приобщенность к безымянным 'многим'. Повествователь таким способом укрепляет свой внутренний статус и авторитет в глазах читателей,

добиваясь, с одной стороны, доверия к повествуемой им истории, а с другой стороны – признания своих претензий на новую перемену судьбы. Так, все повествование о похождениях Мирамонда создано для последнего аллегорического посвящения императрице Екатерине II как развернутая перифраза, мотивация того нового «случая», который должен помочь автору устроить свою судьбу в новой стране. А. Назарьев же вводит в романное обрамление ситуацию чтения Никанором од, которые он «в разные времена» подносил «ее императорскому величеству всемилостивейшей нашей государыне»;¹¹ одна из них воспроизводится в романе текстуально. Вкупе с именами реальных исторических лиц, бывших сослуживцев автора по Инженерному корпусу, многие из которых к моменту публикации первой части романа (1775 г.) сделали блестящую служебную карьеру, эта ода выдает очевидное желание А. Назарьева исправить свою жизненную ситуацию к лучшему, то есть с помощью 'случая' выпрямить сложную, как и у его героя, линию своей судьбы.¹² Таким образом, романное обрамление и основное повествование и на композиционном уровне воспроизводят идею игры случая.

Идея игры случая как доминанта парадигмы свои/чужие определяет сенсационный характер документального материала, вводимого в романы: экзотические страны, по которым путешествует Мирамонд; уголовное дело Ваньки Каина; эротические похождения 'пригожей поварихи' Мартоны; профессиональные превращения Никанора (кондуктор Инженерного корпуса, межевщик, домашний учитель, поэт, любовник, приживал в богатых домах) - весь этот пестрый мир постоянных изменений остраивает ставшую нестабильной и неузнаваемой действительность.

Для фантастической реальности, создаваемой романистами, характерен полный разрыв означаемого и означающего: совершенно очевидно, что 'королева' у Эмина и 'княгиня' у Назарьева – это только знаки, условно прикрепленные к персонажам, поведение которых не соответствует предполагаемым моделям. Этот разрыв характеризует эпистемологическую ситуацию авторов и их читателей – ситуацию познавательного кризиса.

В романе Эмина встречается несколько высказываний, которые можно рассматривать как метатекст – рефлексия автора над своим дискурсом. Так, один из героев, Феридат, которому автор не только 'подарил' свою биографию, но и поручил функции повествователя, размышляя над несовпадением смысла своей челобитной и

изложенного в ней реального события, приходит к выводу, что «...Риторика тому была причиной, в которой часто употребляются такие слова, из которых нечто иное разумеется». ¹³ Именно риторика с ее развитой системой миромоделирования в слове помогает романистам заполнить образовавшуюся пустоту между словами и вещами. Точнее – имитировать это заполнение. Не случайно наиболее употребительным тропом в романах Эмина является перифраза, которая, как известно, не называет предмет, а предлагает его описательное именование; не случайно герои Эмина аргументируют все свои желания и поступки, например, право любить друг друга, апеллируя к примерам из природного, исторического и мифологического мира, то есть к универсальным законам бытия. Эта вероятностная риторическая аргументация (аргумент 'от сходства') позволяет создать видимость причинно-следственных связей между явлениями: традиционалистская концепция социально-иерархической обусловленности общества подменяется еще более древним универсальным законом, который в то же время метонимически замещает в романном пространстве просветительский тезис о естественном равенстве людей. В диалоге с семиозисом риторика, таким образом, тоже выполняет функцию адаптивного культурного устройства, которое позволяет читателям выйти из эпистемологического тупика.

На уровне композиции ту же функцию выполняет принцип параллелизма судеб, ситуаций: многочисленные вставные истории дублируют основное повествование, утверждая закономерность исключительного, повторяемость случайного.

Наконец, на уровне повествования адаптивную функцию выполняют постоянные сентенции и морализаторские размышления как повествователя, так и персонажей, которые стремятся увидеть скрытый позитивный смысл в переживаемых несчастьях и, наоборот, в моменты взлетов напоминают себе и читателям о переменчивости счастья. Эти комментарии являются важным компонентом дискурсивной стратегии романистов, уравнивая превратности фортуны непререкаемостью житейского опыта массового читателя.

В то же время в романах 'высокой' линии очевидно стремление их автора, Эмина, дистанцироваться от точки зрения своего героя (повествователя): просветительская интенция эмпирического сюжета в *Непостоянной фортуны* включает в себя элемент иронии по отношению к представленной в вымышленном сюжете массовой философии жизни. Комментируя одно из многочисленных

философско-риторических построений Мирамонда о превратностях судьбы, автор замечает: «Мудрость тогда обыкновенно в человеке является, когда он несчастным становится. <...> Я знал многих таких поет, что как скоро существенно своею пищею, то есть сребром насытились, то охрипли и приятного их голосу более не было слышно» (I, с. 262). Аналогичная, хотя и не столь очевидно явленная в тексте, характерна для романов 'низовой' линии: в *Несчастном Никаноре* ситуация рассказывания героем, обедневшим дворянином 'княгине' о своей полной приключений молодости – это способ психологической компенсации того жизненного фиаско, которое потерпел не только герой, но, надо полагать, автор. В то же время нельзя не заметить комического, на грани карикатуры, несоответствия между Никанором, галантным офицером, покорителем женских сердец, поэтом, который постоянно играет с судьбой, переступает границы социальных предопределений, и Никанором, опустившимся, постаревшим приживалом, который в финале жизни становится игрушкой в руках случая, довольствуясь крохами с чужого стола. Несоответствие между трагической модальностью героя и сентиментально-комической модальностью повествователя придает ироническую перспективу авторской точке зрения.

Интенциональная многослойность романистики 1760-1770-х годов является результатом взаимодействия разных исторических, культурных, социальных и риторических контекстов. Это взаимодействие отражает культурный идеал эпохи и то коллективное бессознательное, которое противостояло идеям времени, порождая фантомы массового сознания.

В одном из метатекстовых включений в романное повествование Эмин устами своего героя Феридата утверждает: «...роман всякого чина и звания людям должен какое-либо принести удовольствие. Мудрые познают из него политику отдаленных государств, юношество почерпывает нравоучение, женщины чувствуют удовольствие, а низкого состояния люди утешение имеют» (II, с. 243). Дифференциация читателей (в полном соответствии с рекомендациями риторики – по интеллектуальному, возрастному, половому и социальному признаку) выдает ориентацию автора на универсальную, то есть массовую аудиторию. «Связносплетенные романы» (формула Ф. Эмина – см. II, с. 242) 1760-1770-х годов потому и пользовались успехом, что дискурсивная стратегия их авторов соответствовала читательским ожиданиям, предлагая адаптивный культурный механизм, необходимый в эпоху

перемен; для современного исследователя культуры они представляют интерес постольку, поскольку в их повествовательной технике отразился нарратив эпохи. Это означает, что достаточно распространенное мнение о том, что романистика 1760-1770-х годов представляет собой перерыв между эпохой расцвета повествовательности в XVII- первой половине XVIII вв.¹³ и временем, когда интуитивные находки сменяются осознанными поисками новых возможностей именно повествовательной формы, лишено оснований: нарративная структура первых русских романов представляет собой не конгломерат разнородных приемов, а содержательное целое, сама разнородность которого презентует динамику социокультурных процессов.

Т.Е. Автухович (Гродно)

Примечания

¹ В.В. Сиповский, Политические настроения в русском романе XVIII века, *Известия Отделения русского языка и словесности*, IX/4 (1904), с. 230.

² См., например: *Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века* (Москва, Ленинград, 1961); *Проблемы Просвещения в мировой литературе* (Москва, 1970) и др.

³ Наиболее репрезентативное в этом отношении исследование: David E. Budgen, 'Fedor Emin and the beginning of the Russian novel', *Russian Literature in the Age of Catherine the Great*, ed. by A.G. Cross (Oxford, 1976), p. 67-94.

⁴ Я.Э. Голосовкер, *Логика мифа* (Москва, 1987), с. 9.

⁵ Данная типология предложена О.Л. Калашниковой. См.: О.Л. Калашникова, *Русский роман 1760-1770-х годов* (Днепропетровск, 1991).

⁶ Авторство А.П. Назарьева по отношению к анонимному роману «Несчастный Никанор» устанавливается в статье: Т.Е. Автухович, 'Анонимный роман «Несчастный Никанор» (Эпизод из истории формирования жанра)', *XVIII век, XVII* (СПб., 1991), с. 73-87.

⁷ Р. Лахманн, 'Два этапа риторики «приличия» (desouper): Риторика Макария и «Искусство риторики» Феофана Прокоповича', *Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII- начала XVIII в.* (Москва, 1989), с. 168.

⁸ См.: David E. Budgen, указ. соч.

⁹ См.: Б. Дубин, *Слово-письмо-литература: Очерки по социологии современной культуры* (Москва, 2001), с. 75 и др.

¹⁰ С. Строев, «Те, кто поправляет фортуна»: *Авантюристы Просвещения* (Москва, 1998), с. 33.

¹¹ [Александр Назарьев], 'Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Никанора', *Повести разумные и замысловатые: Популярная проза XVIII века* (Москва, 1989), с. 578.

¹² См.: Т.Е. Автухович, указ. ст.

¹³ Ф. Эмин, *Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда*, изд. 2-е (Москва, 1781). Ч. 2, с. 164. Далее текст приводится по данному изданию, страницы указываются в скобках после цитаты, цифра римская обозначает часть, арабская – страницу.

¹⁴ Maria Pliukhanova, 'Сказ и песни у Чулкова и в «Повести о Каине». Реформа прозы', *A Window on Russia: Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*, Gargnano, 1994, ed. by Maria Di Salvo and Lindsey Hughes (Roma, 1996). pp. 229-236.

О Д А 4

На день восшествия на Всероссийский
престолъ Ея Величества Государыни
Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ
ПЕТРОВНЫ, 1747. года.

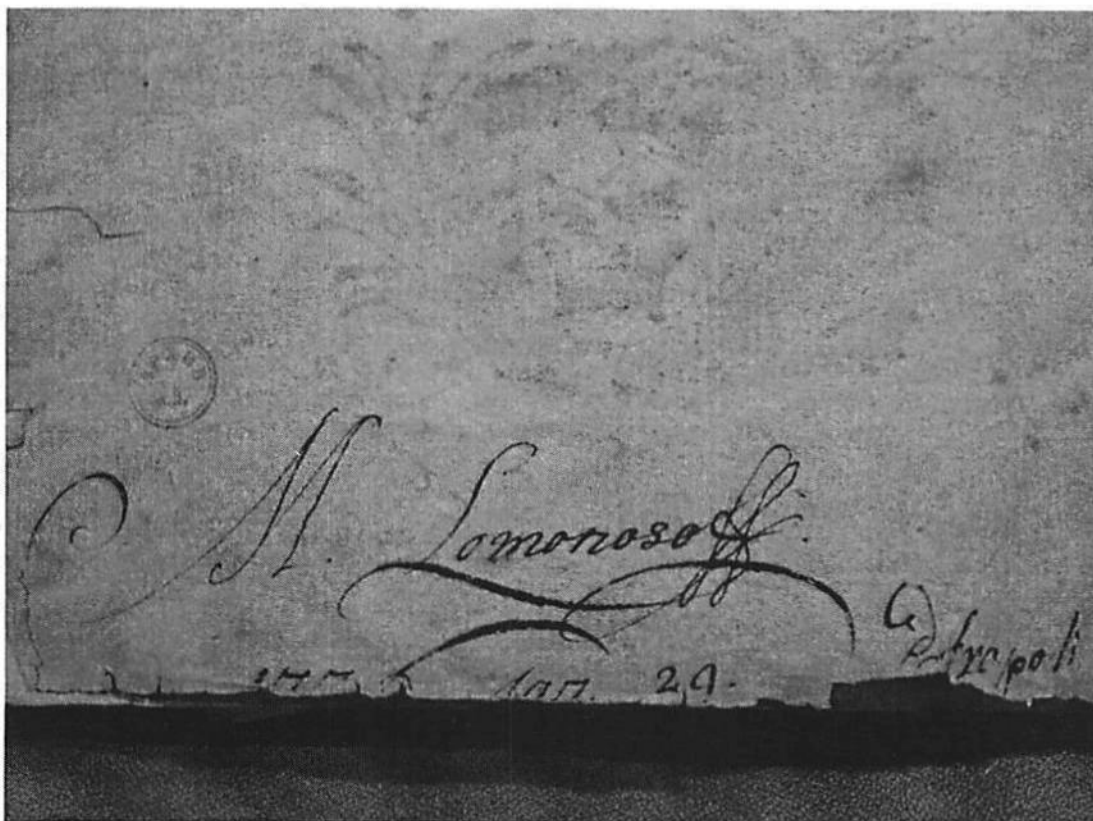
Д I 30

Царей и царицъ земныхъ отрада
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полена и красна!
Вокругъ тебя щиты постигаютъ;
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзуютъ въ море за тобою;

«С Ломоносова начинается наша литература;
он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром
Великим...»

В.Г.Белинский. 1834 г.

Первая страница оды Ломоносова.
1747 г.

II. НЕКОТОРЫЕ КОНТЕКСТЫ УТРЕННЕГО... И ВЕЧЕРНЕГО РАЗМЫШЛЕНИЯ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ.

1. *Утреннее размышление о божием величестве и Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния* не получили еще полноценной интерпретации. Она невозможна без подробного изучения литературных и научных интересов раннего Ломоносова, на пересечении которых лежат два этих стихотворения.

Предварительно можно констатировать, что они являются частью единого замысла. Сам Ломоносов датирует *Вечернее размышление...* 1743 г. (см. III, 123)¹ и к этому же времени относит начало своих наблюдений над северными сияниями (см. III, 486). С тем же кругом научных вопросов связано и «Утреннее размышление...», посвященное описанию Солнца и солнечной атмосферы. В научной литературе ломоносовского времени северное сияние могло объясняться воздействием солнечной атмосферы на земную. В *Примечаниях на Ведомости* за 1739 г. была помещена обширная статья *О сиянии Зодиака и солнечной атмосфере*, анализирующая феномен северного сияния. В этой статье реферировалась работа Мерана *Traité physique et historique de l'aurore boréale...*: «господин де Меран производит причину северного сияния от солнечной атмосферы, которая иногда нашу землю покрывает, и таким образом свою материю с нашею атмосферою смешивает, отчего потом родятся северные сияния. <...> Иногда простирается сия солнечная атмосфера до нашей земли и приносит солнечные пары в нашу атмосферу».² Ломоносов упоминает гипотезу Мерана в набросках ненаписанной работы «Испытание причины северного сияния...» (1763-1764; см. III, 484); именно эта гипотеза формулируется в строках *Вечернего размышления...*:

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой <...>
(VIII, 122; курсив наш. – К.О.)

Таким образом, два «Размышления» представляют собой опыт поэтического оформления вполне конкретной естественнонаучной темы. Структура данного литературного эксперимента еще не описана. Известно лишь, что стихотворения Ломоносова принадлежат к так называемой 'физико-теологической' традиции, видевшей в различных природных явлениях главное доказательство существования Бога.³ Этот бесспорный вывод нуждается в некотором уточнении. Как представляется, в *Размышлениях* объектом литературной концептуализации становится не столько (квази)индивидуальное религиозное переживание, сколько метафизическое измерение естественнонаучной деятельности. Отметим, что вообще в сочинениях Ломоносова метафизические темы трактуются исключительно в связи с вопросом о функциях науки.

Из вышесказанного становится понятно, что исключительную значимость имеют строфы *Вечернего размышления...*, в которых идет речь о возможностях научного познания. Эти строфы, логически связанные между собой, образуют тематический стержень стихотворения; они перемежаются описаниями северного сияния, выдержанными в патетическом ключе и играющими иллюстративную роль. Прочитаем 'метанаучные' строфы:

Уста премудрых нам гласят:
«Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков;
Для общей славы божества
Там равна сила естества.» <...>

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет;
Скажите, что нас так мятет? <...>

Сомнений полон наш ответ
О том, что окрест ближних мест.

Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик Творец?
(VIII, 121-123)

Сформулированный в этих строфах тезис об ограниченности человеческого познания был очень распространен в XVIII в. Как пишет в основополагающей монографии А. Лавджой, «[о]дним из излюбленных мотивов назидательной риторики этого периода является <...> предостережение против интеллектуальной самонадеянности <...> По сути <...> интеллектуальная скромность была преобладающей особенностью той эпохи <...> Человек никогда не должен забывать о пределах силы своего разума, должен довольствоваться тем “относительным и утилитарным пониманием”, которое и составляет единственное орудие его познания».⁴ Этот мотив эксплуатировался и европейской стихотворной традицией. Ломоносов мог ориентироваться, в частности, на два изоморфных фрагмента из I и II эпистол поэмы А. Поупа *Опыт о человеке* (*Essay on Man*, опубл. 1733-1734):

He, who thro' vast immensity can pierce,
See worlds on worlds compose one universe,
Observe how system into system runs,
What other planets circle other suns,
What vary'd being peoples ev'ry star,
May tell why Heav'n has made us as we are.
But of this frame the bearings, and the ties,
The strong connexions, nice dependencies,
Gradations just, has thy pervading soul
Look'd thro' ? or can a part contain the whole?
Is the great chain, that draws all to agree,
And drawn supports, upheld by God or thee? <...>

Go, wond'rous creature! mount where Science guides,
 Go, measure earth, weigh air, and state the tides;
 Instruct the planets in what orbs to run,
 Correct old Time, and regulate the Sun <...>
 Go, teach Eternal Wisdom how to rule --
 Then drop into thyself, and be a fool!
 Superior beings, when of late they saw
 A mortal Man unfold all Nature's law,
 Admir'd such wisdom in an earthly shape
 And shew'd a NEWTON as we shew an Ape.
 Could he, whose rules the rapid Comet bind,
 Describe or fix one movement of his Mind?
 Who saw its fires here rise, and there descend,
 Explain his own beginning, or his end?⁵

В строфах *Вечернего размышления*... воспроизводится композиция двух этих рассуждений, в которых успехи научного (точнее – астрономического) знания подчеркивают невозможность метафизического познания Бога. Тожество логического построения подчеркивается несколькими переключками. С одной стороны, у обоих авторов астрономическое знание символизируется тезисом о множестве населенных миров. С другой стороны, схожим образом изображается слабость человеческого разума, неспособного постичь цели Творца («Несведом тварей вам конец» - «Could he <...> Explain his own beginning, or his end?»).

Стихи Поупа не могут быть сочтены единственным источником комментируемых строф Ломоносова; тем не менее отсылки к английской поэме существенны для истолкования литературного генезиса *Размышлений*. В.Шамшула отмечает переключки между *Размышлениями* и стихами двух известных немецких поэтов – Бартольда Брокеса и Альбрехта Галлера. Оба они ориентировались на английскую традицию 'философской' поэзии.⁶ Галлер неоднократно называл своими учителями английских 'философских поэтов' ('philosophische Dichter').

Брокес выпустил в 1740 г. перевод *Опыта о человеке* и нескольких других английских стихотворений.⁷

По всей видимости, ломоносовские *Размышления* также ориентированы на английскую физико-теологическую поэзию. Об этом свидетельствует, в частности, стиховая структура одного из них. Оба стихотворения разрабатывают одну и ту же строфу - шестистишие Я4 с рифмовкой *ababcc*. Различия касаются только характера рифм – в *Утреннем размышлении* выдерживается традиционный принцип альтернанса, в то время как *Вечернее размышление* написано со сплошными мужскими рифмами. Б.М. Эйхенбаум указывает по иному поводу, что четырехстопный ямб с мужской рифмовкой в русском поэтическом контексте звучит как 'английский' стих.⁸ Стиховой эксперимент Ломоносова свидетельствует, таким образом, о существовании английских претекстов двух *Размышлений*. К числу этих претекстов позволительно отнести *Hymn (The spacious firmament on high....)* Дж. Аддисона. Это стихотворение и его немецкий перевод были напечатаны Брокесом под одной обложкой с переводом *Опыта о человеке* Поупа. Стихотворение Аддисона написано восьмистишиями Я4 со сплошной мужской рифмовкой (в переводе Брокеса размер оригинала не сохранен); Аддисон, как и Ломоносов, иллюстрирует тезис о величии Бога утренним и вечерним пейзажами:

<...> Th' unweari'd Sun from Day to Day
Does his Creator's Power display;
And publishes to every Land
The Work of an Almighty Hand.

Soon as the Evening Shades prevail,
The Moon takes up the wond'rous Tale;
And nightly to the list'ning Earth
Repeats the Story of her Birth <...>⁹

Судя по всему, с немецкой модой на английскую поэзию надо связывать и зарождение интереса Ломоносова к *Опыту о человеке*;¹⁰ как отметил еще Н.С.

Тихонравов, именно Ломоносов позднее инициировал появление ее русского перевода, выполненного Поповским (1754).¹¹

Неслучайно в этой связи, что параллели к комментируемым строфам *Вечернего размышления*... можно обнаружить в немецкой физико-теологической поэзии. Несколько фрагментов из поэм Галлера *Мысли о разуме, суеверии и неверии* (*Gedanken über Vernunft, Aberglauben und Unglauben*, 1729) и *Тщета людских добродетелей* (*Die Falschheit menschlicher Tugenden*, 1730) развивают ту же мысль, что и приведенные стихи Поупа:

Schwingt ein erhobner Geist sich aus der Menschheit Schranken.

<...>

Worum die Sterne sich in eignen Gleisen halten;
Wie bunte Farben sich aus lichten Stralen spalten;
Welch nimmer stiller Trieb der Welten Wirbel dreht;
Welch Druck das grosse Meer zu gleichen Stunden bläht;
Diß alles weiß er schon; Er füllt die Welt mit Klarheit,
Er ist ein steter Quell von unerkannter Wahrheit. <...>
Ins Innre der Natur dringt kein erschaffner Geist,
Zu glücklich, wenn sie noch die äußre Schale weist <...>¹²

Ein Newton übersteigt das Ziel erschaffner Geister,
Findt die Natur im Werk, und scheint des Weltbau's Meister;
Er wiegt die inn're Kraft, die sich in Körpern regt,
Den einen sinken macht, und den im Kreis bewegt,
Und schlägt die Tafeln auf der ewigen Gesäzen,
Die die Natur gemacht, und nimmer kan verletzen.

Wohl-angebrachte Müh! gelehrter Sterbliche!
Du kennest alles schon, nur nicht dein Wohl und Weh.¹³

Vernunft kann, wie der Mond, ein Trost der dunkeln Zeiten,
 Uns durch die braune Nacht mit halbem Schimmer leiten;
 Der Wahrheit Morgenroth zeigt erst die wahre Welt,
 Wann Gottes Sonnen-Licht durch uns're Dämmerung fällt.
 Zu stammelnd für den Schall geoffenbahrter Lehren
 Soll die Vernunft hier Gott mit eignem Lallen ehren.
 Vernunft steht still bey Gott, mehr ist ein Überfluß.
 Nichts wissen macht uns tumm, viel forschen nur Verdruß.
 Was hilft es Himmel an mit wächsern'n Schwingen fliegen,
 Der Sonne Nachbar seyn, und dann im Meere liegen?
 Vergnügen geht vor Witz; auch Weisheit hält ein Maaß,
 Der Weg von der Vernunft ist nur die Mittelstraß. ¹⁴

Можно сказать, что процитированные пассажи из Поупа и Галлера составляют литературный фон для разбираемых строф *Вечернего размышления*....¹⁵ Более того, поэтическая фразеология последнего фрагмента могла отразиться и в *Утреннем размышлении*..., в частности, в строках:

Творец! Покрытому мне тмою
 Простри премудрости лучи <...>
 (VIII, 119)

В начальных строфах *Утреннего размышления* Солнце служит лишь объектом описания. Напротив того, в приведенных строках (открывающих последнюю строфу стихотворения) свет приобретает символическое значение. Солнечные лучи становятся здесь, как и у Галлера, аллегорией знания, исходящего от Бога. Сам Галлер пишет в другом месте:

Die Weißheit gleicht dem Sonnen-Strahl. ¹⁶

2. Противоречие между могуществом человеческого разума и непознаваемостью бытия имело в сочинениях Ломоносова не только литературные, но и собственно философские валентности. Характер метафизического положения этот парадокс приобретает, например, в зачине *Слова о происхождении света...* (1756), аккумулирующем многие мотивы 'научной' поэзии Ломоносова:

Чем глубже до самых причин толь чудных дел проникает
рассуждение, тем яснее показывается непостижимый всего бытия
строитель. (III, 317)

Неслучайно, что приводившиеся выше отрывки из поэм Поупа и Галлера построены вокруг образа Ньютона. С одной стороны, Ньютон символизировал успехи естественных наук; показательно, что Ломоносов, вслед за немецким и английским поэтами, упоминает в стихах открытые Ньютоном математические законы движения небесных тел («Вам путь известен всех планет»). С другой стороны, философия Ньютона воплощала для европейской философии XVIII в. то, что Лавджой называет 'интеллектуальной скромностью'. Заключительные стихи последнего из приведенных выше фрагментов Галлера в издании 1743 г. выглядят так:

<...> Auch Weisheit hält ein Maaß,
Das Thoren niedrig dünkt und Newton nicht vergaß.¹⁷

Ломоносов, по всей видимости, опирался на это прочтение философии Ньютона. Хотя он никогда не принимал физических теорий английского ученого,¹⁸ они всегда оставались в центре его внимания.¹⁹ Возводившаяся к Ньютону метафизическая интерпретация научной деятельности должна была быть хорошо известна Ломоносову. В частности, он хорошо знал книгу Вольтера *Основы философии Ньютона* (*Eléments de la philosophie de Newton*, 1736-1741). Ломоносов ссылается на нее в черновых записях, относящихся к 1756 г. (см. III, 254-255). Суммируя метафизические воззрения Ньютона, Вольтер пишет:

La philosophie nous montre bien qu'il y a un Dieu; mais elle est impuissante à nous apprendre ce qu'il est, ce qu'il fait, comment et pourquoi il le fait.²⁰

Ср. в *Вечернем размышлении*....:

Скажите ж, коль велик Творец?

Можно заключить, что процитированная выше фраза из *Слова о происхождении света*... восходит к формулам (квази)ньютонианской метафизики, изложенной, в частности, в работе Вольтера.

Как мы видим, *Размышления*... одновременно отсылают к поэтической традиции Поупа и к философии европейского ньютонианства. Это сочетание объясняется репутацией *Опыта о человеке*, который мог восприниматься как поэтическое изложение метафизики Ньютона.²¹ Такое прочтение поэмы Поупа восходило, по всей видимости, к работе В. Варбюртона *A Critical and Philosophical Commentary on Mr. Pope's Essay on Man*. (Ранний вариант этой работы был напечатан по-немецки в приложении к брокесовскому переводу *Опыта о человеке*). Варбюртон прямо связывает метафизическую доктрину Поупа с Ньютоном.²² Ам-Энде, автор латинского перевода *Опыта о человеке* (1743), пишет в одном из примечаний:

Itaque nunc cum PLATONE, nunc cum ARISTOTELE, nunc cum
CARTESIO, nunc cum LEIBNIZIO, nunc, et maximam quidem partem, cum
NEWTONE suo, loquitur²³.

К Ньютону возводилась и система теодицеи, изложенная в английской поэме. Метафизическое оправдание Бога, заключенное в I главе вольтеровских *Основ философии Ньютона*, включает прямые парафразы некоторых фрагментов *Опыта о человеке*. Основной аргумент Вольтера таков:

Ce qui est mauvais par rapport à vous est bon dans l'arrangement général.
<...> lorsque dans une ménagerie vous élevez des animaux que vous égorgez, vous ne voulez pas qu'on vous appelle méchant, et vous accusez de cruauté le maître de tous les animaux, qui les a faits pour être mangés dans leur temps? ²⁴

В I эпистоле *Опыта о человеке* читаем:

Heav'n from all creatures hides the book of Fate,
All but the page prescrib'd, their present state <...>
The lamb thy riot dooms to bleed to-day,
Had he thy Reason, would he skip and play?
Pleas'd to the last, he crops the flow'ry food,
And licks the hand just rais'd to shed his blood. <...>
All Nature is but Art, unknown to thee;
All Chance, Direction, which thou canst not see;
All Discord, Harmony, not understood;
All partial Evil, universal Good <...>²⁵

Можно заметить, что эпистемологическое смирение (примером которого служит Ньютон) у Поупа и Вольтера приобретает характер метафизического принципа. Их философская аргументация исходит из того, что человеческое познание заведомо неполно и поэтому неспособно постичь всю благость Творца. Ломоносов использует этот способ рассуждения, доказывая в *Слове о рождении металлов от трясения земли* (1757) благотворность землетрясений: «Когда ужасные дела натуры в мыслях ни обращаю, слушатели, думать всегда принужден бываю, что нет ни единого из них толь страшного, нет ни единого толь опасного и вредного, которое бы купно пользы и услаждения не приносило. <...> Хотя ж часто сокровенны перед нами бывают от противных вещей происшедшие угодия, которыми пользуемся в жизни нашей, однако они подлинны и велики» (V, 296; курсив наш).

3. Поповский в предисловии к своему переводу так суммирует содержание I эпистолы: «с крайним благоговением он [Поуп – К.О.] доказывает Божескую премудрость, святость и правосудие».²⁶ Х. Кайперт в специальном исследовании обращает внимание на слово «благоговение», служащее терминологическим обозначением религиозного чувства.²⁷ Словоупотребление Поповского обнажает христианские коннотации псевдоньютонианской метафизики «Опыта о человеке». Сходным образом значение ньютонианства описывает Вольтер:

Toute la philosophie de Newton conduit nécessairement à la connaissance d'un Être suprême, qui a tout créé, tout arrangé librement. <...> j'ai connu beaucoup de personnes que le cartésianisme a conduites à n'admettre d'autre Dieu que l'immensité des choses, et que je n'ai vu au contraire aucun newtonien qui ne fût théiste dans le sens le plus rigoureux.²⁸

Под «философией» Ньютона Вольтер понимает преимущественно его физическую систему; этот пассаж обнажает, таким образом, значимые для Ломоносова религиозные валентности естественнонаучных исследований. Л.В. Пумпянский очень точно пишет о «Размышлениях»: «Религиозность здесь опирается не на тексты (как в псалмах), а на материал науки <...>. Без этих од погибла бы одна важная деталь русской культуры: участие России в общеевропейской науке <...>, т.е. наличность и внеправославного типа религиозности. <...> Борьба со скептицизмом принимает совершенно другой характер <...>: <...> надо бороться <...> с возможностью внерелигиозного понимания природы, - но из глубины же научного мышления подымается и новая религиозность».²⁹

Формулировки Пумпянского, кроме прочего, проливают свет на культурные функции *Опыта о человеке* в русском идеологическом контексте 1740-1750-х гг. Он должен был предоставить читателю своего рода светскую теологию, примирявшую философский кругозор европейски образованного интеллектуала с традиционным христианским учением. Тем самым мы имеем возможность дополнить справедливый вывод И. Клейна о христианском и теистическом характере мировоззрения Ломоносова.³⁰ Можно утверждать, что теизм

Ломоносова и Поповского опирался не столько на православную богословскую традицию, сколько на современную им европейскую метафизическую рефлексию.

Религиозное измерение ньютонианства любопытным образом отражается на стилистике 'философской' поэзии Ломоносова и Поповского. Кайперт вслед за Х. Роте отмечает «христианизацию» поэтической фразеологии Поупа в переводе Поповского; в частности, оба исследователя обращают внимание на реминисценцию из Псалтыри в его переводе I эпистолы.³¹ Псалмодическую стилистику эксплуатирует и космологическая лирика Ломоносова.

Вольтер пишет в первой главе *Основ философии Ньютона*:

<...> je ne sais s'il y a aucune preuve métaphysique plus frappante, et qui parle plus fortement à l'homme que cet ordre admirable qui règne dans le monde; et si jamais il y a eu un plus bel argument que ce verset: *Coeli enarrant gloriam Dei*. Ainsi, vous voyez que Newton n'en apporte point d'autre à la fin de son *Optique* et ses *Principes*.³²

Для изложения ньютонианской метафизики Вольтер заимствует стих из 18 псалма (Пс.18: 1), фактически суммирующий физико-теологическую риторику. Композиционная канва этого псалма в упрощенном виде легла в основу *Утреннего размышления*.... Как и в псалме, в *Утреннем размышлении*... величие Творца символизируется картиной восходящего Солнца; к финальному стиху библейского оригинала восходит и последняя строфа *Размышления*:

Творец! покрытому мне тмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда твори́ти научи
И, на Твою взира́я тварь,
Хвалить тебя, безсмертный Царь.
(VIII, 119; курсив наш.)

Ср. в церковнославянском тексте: «И будут в благоволение словеса уст моих, и поучение сердца моего пред тобою выну <...>» (Пс.18: 15).

О значимости псалмодических ассоциаций для *Утреннего размышления...* свидетельствует, кроме прочего, фрагмент из *Слова о происхождении света...*, фактически резюмирующий раннее стихотворение. Научно достоверное описание солнца предваряется в *Слове...* прямыми цитатами из 18 псалма: «Небеса поведают славу Божию. Селение свое положил он в солнце, то есть в нем сияние божества своего показал яснее, нежели в других тварях» (Ш, 317). Ср. в церковнославянской Псалтыри: «Небеса поведают славу Божию <...> в солнце положи селение свое» (Пс. 18: 1, 5). Псалмодический подтекст «Утреннего размышления...», не отмеченный в специальном исследовании,³³ позволяет в дальнейшем поставить вопрос о смысловых валентностях 'библейской' лирики Ломоносова – переложений псалмов и *Оды, выбранной из Иова*.

Кирилл Осповат (Москва)

Примечания

¹ Здесь и в дальнейшем сочетанием римской (том) и арабской (страница) цифр обозначаются ссылки на изд.: М.В. Ломоносов, *Полн. собр. соч.*, I–XI (М.- Л., 1950 – 83).

² *Примечания на Ведомости*, Ч. 47–48 (1739), с. 188–92.

³ См.: W. Schamschula, 'Zu den Quellen von Lomonosovs "kosmologischer" Lyrik', *Zeitschrift für slavische Philologie* (1969), 24/ 2.

⁴ А. Лавджой, *Великая цепь бытия. История идеи* (М., 2001), с. 13–14; Arthur O. Lovejoy, *The Great Chain of Being. A Study of the History of An Idea* (New York, 1960), p. 8.

⁵ А. Pope, *The Poems*. Ed. by John Butt (New Haven, 1963), pp. 505–517. Ср. в переводе Н. Поповского:

Кто может сквозь пройти вселенный предел,
Исчислить множество несчетных в тверди тел,
Понять, как всю из них вселенный машину
Создатель утвердил по правилам и чину,
Приметить сих частей союз между собой,
И как одна из них зависит от другой,
Другия рассмотреть планеты оком бrenным,
И к солнцам взор простерить верьху небес возженным,
Коль многия живут и разны существа
На каждой из планет для славы божества:
Тот может лишь один познать, по что такими
Изволил нас Творец создать, а не иными.
Но мы разумною снабденные душой
Проникнуть можем ли в союзы всех частей,
В их связь, в их степени, в их пользы друг от друга,
И знаем ли состав всего земного круга?
Малейших мы частиц не можем испытать,

То льзя ли света всю громаду нам познать?
Скажи, твоя или божественная сила
Великую сию цепь в свете утвердила,
Что вяжет меж собой все части и крепит,
И сим согласием весь круг земной хранит? <...>

Поди, о горда тварь, одна из всех созданий!
Куда тебя влечет стремление многих знаний,
Вселенная вся пространство испытай,
Взвесь воздух на весы, и тяжесть угадай,
Планетам предпиши в течении уставы,
Вели приливу сбьть с морей для переправы,
Исправь погрешности в старинных временах,
И солнце в бег управь в предписанных кругах <...>
Взойди на небеса, наставь Творца советом,
И научи его как лучше править светом.
Льзяль сделать то тебе? дерзай и говори,
Сам испытай себя, все силы рассмотри!
Увидев что тебя напрасно льстит надежда,
Стыдися слабости, и ужаснись невежда.
Недавно видели небесны существа,
Что смертный открывал законы естества,
Дивясь что человек столь слабой, малой, брэнной
Имеет ум в себе столь острой и отменной.
Невтона так почли небесны умы,
Как обезьяниным дивимся действиям мы.
Но сей что мог звездам законы предуставить,
Умел ли хоть одной своею страстью править?
Что восходил умом превыше горьных мест,
И ведал высоту и нискость светлых звезд,
Он мог ли самого себя понять хоть мало?
И понял ли он свой конец, свое начало?

(Попе, *Опыт о человеке* Переведено Николаем
Поповским. (М., 1757), с. 4-22; Н.С. Тихонравов,
Сочинения, III/1 (М., 1898, с. 84.)

⁶ См.: Н. Hettner, *Geschichte der deutschen Literatur im achtzehnten Jahrhundert* (Berlin, 1961), I/ 250, p. 260.

⁷ Hm. В.Н. Brockes, *Aus dem Englischen übersetzter Versuch vom Menschen, des Herrn Alexander Pope* (Hamburg, 1740).

⁸ См.: Б.М. Эйхенбаум, *О литературе. Работы разных лет* (М., 1987), с. 165-66.

⁹ Brockes, *Op. cit.*, p. 184. Перевод: «Неутомимое Солнце из дня в день / Являет могущество своего творца; / И показывает всем странам / Создание всемогущей руки. / Как только приходят вечерние тени, / Луна продолжает чудесный рассказ; И еженощно внимающей Земле / Повторяет историю своего рождения».

¹⁰ Н.С. Тихонравов указывает, что «Опыт...» Поупа был популярен в среде петербургских немецких ученых; в частности, Рихман перевел стихами первую эпистолу этой поэмы (см.: Н.С. Тихонравов *История издания «Опыта о человеке» в переводе Поповского*, в *Указ. соч.*, с. 87-8).

¹¹ См.: Н.С. Тихонравов *Указ. соч.*, с. 87. Трудно сказать, на каком языке Ломоносов читал Поупа. В его библиотеке был французский перевод Силуэтта (см.: Г.М. Коровин, *Библиотека Ломоносова* (М.- Л., 1961), с. 338, 426). Ему также мог быть известен немецкий перевод Брокеса и латинское переложение Ам-Энде (Alexandri Pope, *Commentatio de homine poetica... in Latinum translata per Io. Ioachimum Gottlob Am-Ende* (Vitembergae, 1743), на которое, как установил Х. Кайперт, опирался

Поповский в своем переводе «Опыта о человеке» (см.: Н. Keipert, *Pope, Popovskij und die Popen. Zur Entstehungsgeschichte der russischen Übersetzung des "Essay on Man" von 1757* (Göttingen, 2001), pp. 18-28). Нельзя исключать и знакомства Ломоносова с английским текстом Поупа. Он входил в издания переводов Силуэтта и Брокеса; аннотируя французское издание в собственноручном списке книг, Ломоносов специально отмечает этот факт. Вместе с тем, некоторые данные указывают на то, что Ломоносов владел английским языком. С одной стороны, это как будто следует из составленного им перечня известных ему иностранных языков (см.: Ю.М. Лотман, 'К вопросу о том, какими языками владел Ломоносов', *XVIII век*, 3 (М.-Л., 1958), с. 462); с другой стороны, в одном из известных книжных реестров Ломоносов отмечает научные достоинства англоязычной работы У. Браунинга «The Art of Making Common Salt...» (см.: Г.М. Коровин, *Указ. соч.*, с. 417-18).

¹² А. Haller, *Versuch schweizerischer Gedichte* (Bern, 1743), p. 63-4. Перевод: «Возвышенный ум выходит за пределы человечества <...> / Почему звезды придерживаются своих орбит; / Как светлые лучи раздробляются на яркие цвета; / Какое вечное стремление управляет мировым вихрем; / Какая сила вздувает великое море в одни и те же часы; / Все это он знает; он наполняет мир ясностью, / Он неиссякаемый источник неизвестной истины. <...> / В тайники природы не проникает ни один смертный ум, / Слишком счастливый, если он познал внешнюю скорлупу <...>».

¹³ Haller, *Op. cit.* (Bern, 1734), p. 55. Перевод: «Какой-нибудь Ньютон превышает помыслы смертных умов, / Застает Природу за работой и показывает владыку вселенной; / Он взвешивает внутреннюю силу, которая движется в телах, / Одно заставляет падать, а другое двигает по кругу, / И открывает таблицы вечных законов, / Которые установила Природа и никто не в силах изменить. / Благородный труд! Ученый смертный! / Ты все уже знаешь, кроме своего счастья и горя».

¹⁴ Haller, *Op. cit.*, p. 67. Перевод: «Разум может, как луна, утешение темных времен, / Вести нас своим скудным светом сквозь мрачную ночь; / Только утренняя заря истины показывает истинный мир, / Когда солнечный луч божества проникнет сквозь наш сумрак. / Неспособный произнести слова Откровения, / Разум должен восхвалять Господа своим бормотаньем. / Разум останавливается перед Богом, большее – излишество. / Незнание делает нас дураками, многие разыскания приносят только досаду. / Зачем взлетать к небесам на восковых крыльях, / Приближаться к солнцу и затем падать в море? / Наслаждение предшествует уму; даже мудрость имеет меру, / Путь разума – срединный путь».

¹⁵ Стихотворения Галлера входили в круг чтения молодого Ломоносова; они имелись в его библиотеке уже в 1742 г. (см.: Коровин, *Указ. соч.*, с. 327).

¹⁶ Haller, *Op. cit.*, p. 91. Перевод: «Мудрость подобна лучу солнца».

¹⁷ Haller, *Op. cit.* (Bern, 1743), p. 50. Перевод: «<...> Даже мудрость имеет меру, / Которая кажется глупцам низкой, но которую не забывал Ньютон».

¹⁸ См.: V. Boss, *Newton and Russia. The Early Influence, 1698-1796* (Cambridge, Mass., 1972), pp. 165-99.

¹⁹ В частности, в 1743 г. он запрашивал из Академии наук «Математические основания естественной философии» (см. IX, 322).

²⁰ Voltaire, *Oeuvres complètes*, 5 (Paris, 1865), p. 676. Перевод: «Философия достаточно хорошо показывает нам существование Бога; но она бессильна объяснить нам, что он собой представляет, каковы его действия и как и почему он делает то или иное». Вольтер, *Философские сочинения* (М., 1996), с. 174.

²¹ См., напр.: B. Fabian, 'Pope and Lucretius: Observations on "An Essay on Man"', *The Modern Languages Review*, 1979, 74/3, pp. 536-37.

²² См.: W. Warburton, *A Critical and Philosophical Commentary on Mr. Pope's Essay on Man* (L., 1742) [репринтное изд.: N.Y.-L., 1974], pp. 47-9.

²³ Io. Am-Ende, *Op. cit.*, p. 6. Перевод: «Так что он рассуждает то вместе с Платоном, то с Аристотелем, то с Декартом, то с Лейбницем, а по большей части с Ньютоном».

²⁴ Voltaire, *Op. cit.*, p. 675-76. Перевод: «То, что скверно по отношению лично к вам, есть благо с точки зрения всеобщего порядка. <...> Когда вы выращиваете в питомнике животных, которых затем убиваете, вы не желаете, чтобы вас называли злодеем, и обвиняете в жестокости господина всех существ, сотворившего их затем, чтобы в свое время они были съедены?» - Вольтер, *Указ. соч.*, с. 173-74.

²⁵ Pope, *Op. cit.*, pp. 507-15. Ср. в переводе Поповского:

<...> Мы знанием хотим постигнуть любопытным,
Что в книге будущих Бог написал об нас,
И вечным облаком закрыл от наших глаз. <...>
Сей агнец, коего готовишь ты заклать,
Когда б имел твой ум, и наперед мог знать,
Когда б предвидеть мог жестокой час судьбины;
В таком ли б ожидал спокойстве он кончины?
По самой тот удар, что кончит жизнь его,
Играет на полях спокоен от всего,
Без подозрения, без всякия боязни,
Посреди бедствия, почти при самой казни
Уж занесенную лаская лизет руку
Которая ему готовит смерть и муку. <...>
Что нашему уму быть мнится не согласно,
В том сходство чудное, хоть нам оно не ясно.
Что кажется нам быть с обидой одного,
То служит к щастию создания всего.
(Попе, *Указ. соч.*, с. 7-19).

²⁶ Pope, *Указ. соч.*, с. 2.

²⁷ См.: Keipert, *Op. cit.*, p. 47.

²⁸ Voltaire, *Op. cit.*, p. 674. Перевод: «Вся философия Ньютона необходимо подводит к познанию верховного бытия, все сотворившего и упорядочившего по своему произволу. <...> я <...> знал многих, кого картезианство заставило не признавать иного Бога, кроме необъятности вещей, и, наоборот, я не видел ни одного ньютоновеца, который не был бы теистом в самом строгом смысле этого слова», - Вольтер, *Указ. соч.*, с. 170-71.

²⁹ Л.В. Пумпянский, 'К истории русского классицизма' в Пумпянский Л.В. *Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы* (М., 2000), с. 66-7.

³⁰ См.: И. Клейн, 'Раннее Просвещение, религия и церковь у Ломоносова' (в печати). Пользуюсь случаем выразить благодарность профессору Клейну за возможность ознакомиться с его неопубликованной работой. См. Резюме статьи в этом выпуске *Ньюзлеттера*, с. 7-10.

³¹ См.: Н. Rothe, 'Zu Chreraskovs Dichtungsauffassung', *Studien zu Literatur und Aufkl_rung in Osteuropa* (Giessen, 1978), с. 99; Keipert, *Op. cit.*, с. 63-4.

³² Voltaire, *Op. cit.*, p. 675. Перевод: «<...> я не знаю, существует ли какое-либо более разительное метафизическое доказательство, чем это, — такое, которое больше убеждало бы человека, чем великолепный порядок, царящий в мире; не знаю, существовал ли когда-либо более прекрасный аргумент, чем стих: *Небеса проповедуют славу Божию*. Итак, вы видите, что Ньютон не приводит никакого иного аргумента в конце своей 'Оптики' и своих 'Принципов'». Вольтер, *Указ. соч.*, с. 172. Курсив автора.

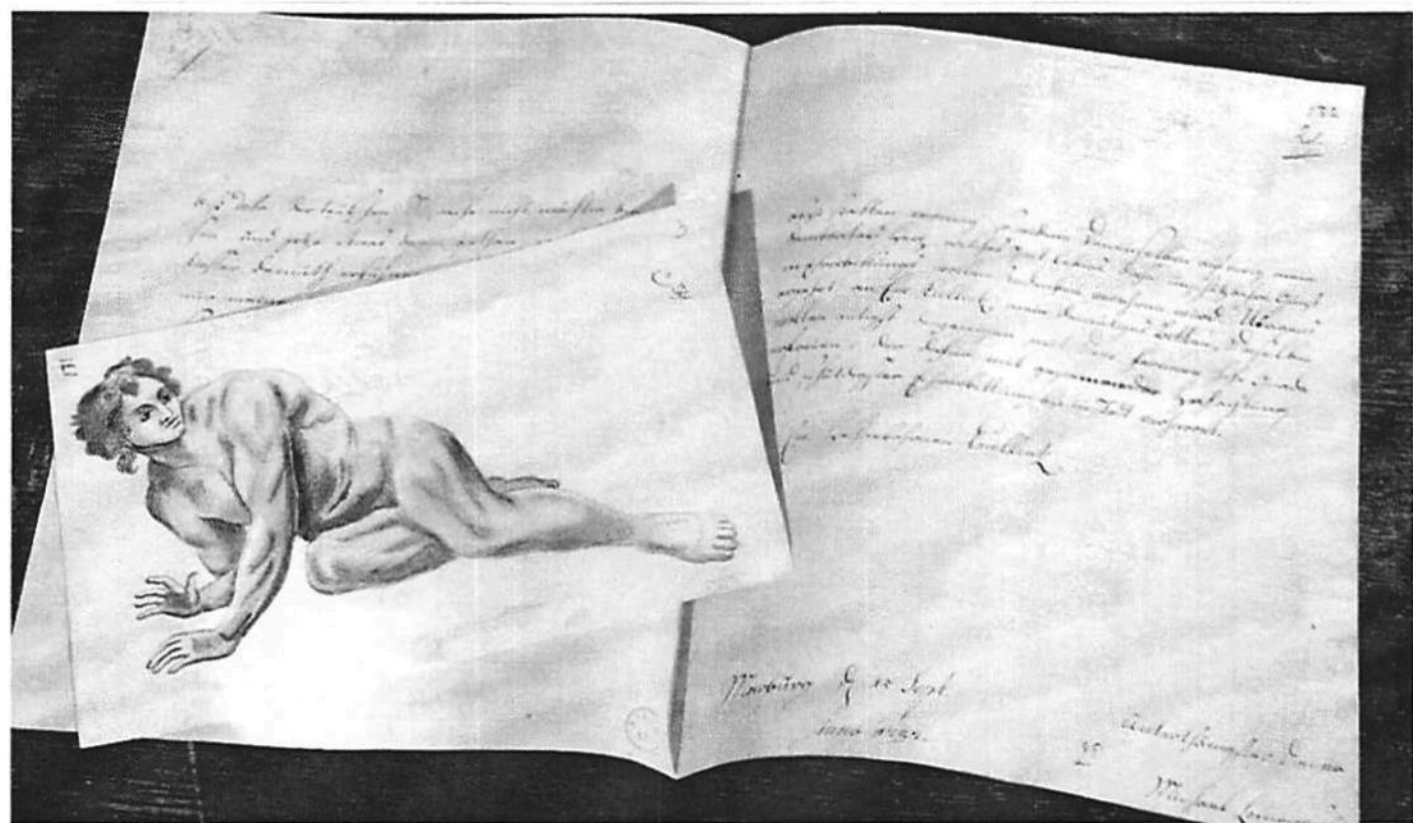
³³ См.: Л.Ф. Луцевич, *Псалтырь в русской поэзии* (СПб., 2002), с. 252-54.

М.В. Ломоносов. Иллюстрация к работе
М.В. Ломоносова. М. 1800.
М.В. Ломоносов. М. 1800.

«Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник...»

А.С. Пушкин. 1825 г.

NEWS ITEM

“Lomonosov’s Personal Library Rediscovered”

Lomonosov's personal library disappeared after his death in 1765 and guesses as to what it contained and where it might be located became for the next two centuries a whole new branch of scholarship. There appeared several catalogues describing what it probably had contained (but not the actual location of the books). The fate of Lomonosov's personal library has remained a mystery.

In early 1970, I was fortunate to discover several documents in the Russian archives, which indicated that the whole library was bought by Catherine's favourite Count Grigorii Orlov. After his death it was given to the Grand Duke Konstantin Pavlovich and placed in the Marble Palace of St Petersburg as a separate collection. Another document showed that in 1832 the collection was donated to the Helsinki University Library in Finland, along with the catalogue of Count Orlov's library. After locating Orlov's Catalogue and establishing its significance as a source of information about Lomonosov's library, I made inquiries in Finland and was able to identify the samples of handwriting on the books as Lomonosov's, clearly indicating that at least a part of his personal collection was in Finland.

The results of this investigation were published in the book E.S. Kuliabko, E.B. Beshenkovskii, *Sud'ba biblioteki i arkhiva M.V. Lomonosova* (Leningrad: Nauka, 1975). Orlov's Catalogue was published in this book (1,444 items, pp.146-215) as an appendix. In 1977, at a formal official ceremony, the Finnish government donated the first fifty books with Lomonosov's marginalia to the Library of the Russian Academy of Sciences. There was a big celebration in Russia on that occasion. What happened later was a mystery. Several scholars sent to Finland by the Russian Academy of Sciences to investigate Orlov's library found no new autographs. The studies came to a stop. During my last visit to the

Academy of Sciences Library in the late 1990s I was told, "Lomonosov's personal library does not exist".

This story did not bother me for some time. I emigrated from Russia in 1977 and have been busy collecting Slavic books for the Columbia University Libraries. Recently, after thirty years had passed since the discovery of Lomonosov's books and manuscripts in Finland, I decided to write a follow-up of my book, to summarize some new findings and to correct some previous mistakes. Specifically, I encountered a document stating that most of the books from Orlov's library were reshuffled and mixed with other collections of the Marble Palace. Since all the books from the Marble Palace were sent to Finland, I decided to take a look at the electronic catalogue of the Helsinki University Libraries, recently put online. I wanted to verify whether Helsinki Libraries had other books from Lomonosov's Library not mentioned in the Orlov Catalogue.

I have checked the online catalogue of the Helsinki University library (<http://helka.linneanet.fi/cgi-bin/Pwebrecon.cgi?LANGUAGE=English&DB=local&PAGE=First>) against the Orlov Catalogue as well as another source, G.M. Korovin. *Biblioteka Lomonosova. Materialy dlia kharakteristiki literatury, ispol'zovannoi Lomonosovym v ego trudakh, i katalog ego lichnoi biblioteki* (M.-L.: AN SSSR, 1961). It contains information on the books that belonged to Lomonosov and/or were used in his works. The examination showed that the Helsinki University Library online catalogue contains most of the books and periodicals (over a thousand titles) published before Lomonosov's death in 1765 and listed in Orlov and Korovin's catalogues. There they were, located in different divisions of the Helsinki University Library.

It is difficult to overestimate the significance of this discovery. A Lomonosov previously unknown, Lomonosov the bibliophile and passionate collector, appears before our eyes in a powerful image of a magnificent human mind at work. He was collecting almost every edition of every published book written by his teacher Christian Wolff. All the

fundamental works and important authors in every branch of knowledge that interested him are represented in several editions: in natural history: G. L. L. Buffon, Carl Linnaeus, Plinius; in mathematics: A.-C. Clairault, Leonhard Euler, Nicolas L. La Caile; in physics: D. Bernoulli, Robert Boyle, René Descartes, Benjamin Franklin, Edme Mariotte, P. Musschenbroeck, Isaac Newton; in philosophy: Pierre Bayle, Diogenes Laertius, Leibnitz, Malebranche, Christian Wolff; in chemistry: Johann Joachim Becher, Hermann Boerhaave, Nicolas Lemery, Johann Heinrich Pott, Georg Ernst Stahl; in geology: Georg Agricola, Lazarus Ercker, Athanasius Kircher, Emanuel Swedenborg; in zoology and botany: Peter Artedi, René Reaumur, Lorenz Geister; in medicine: Hermann Boerhaave, Celsus, Bernard Connor, Friedrich Hoffmann, Johann Schroeder; in mechanics: Nicolas Bion, Leonhard Euler, Jacob Leupold; in economics: J. A. Grotjan and Salomo Cubert; in geography: nineteen volumes of *Allgemeine Historie der Reisen*, works by F. Bernier, Pierre Bouger, Christoph Cellarius, Charles Condamine, Pierre Maupertuis, Pomponius Mela...

There are dictionaries and grammars of various languages, collected works of Ovid, Martial and Molière. There are works of Voltaire, including his *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand*, written with Lomonosov's participation; rhetorics and theories of literature; chronicles and historical works. There are more than eighty volumes of *Universal-Lexicon* by J.H. Zedler as well as sets of scholarly periodicals published by the Bologna, Russian, French, German and Swedish Academies, by Göttingen and Leipzig Universities.

Apart from the fact that these titles are listed in Orlov and Korovin's catalogues, there is plenty of indirect but convincing evidence that the books belonged to Lomonosov. Thus, among such pointers we find a collection of more than twenty multi-volume periodicals from Korovin's list in the Helsinki catalogue. If this is just a coincidence, it is difficult to explain why most of these periodicals abruptly end near the year of Lomonosov's death. To provide just a couple of examples: the journal *Neue Zeitungen von gelehrten Sachen* was published from 1715 to 1784. The Helsinki catalogue has all the

volumes of this journal only up to the year of 1763. Another 18th century journal, *Descriptions des arts et métiers* (Korovin, p. 188), published from 1761 to 1789 is available only for the first two years coinciding with what was left of Lomonosov's life-span.

Furthermore, apart from books mentioned in Lomonosov's works or known as purchased for his personal library, the Helsinki catalogue contains books from his collection not mentioned in any known sources. It appears that what we knew about Lomonosov's collection is just the tip of the iceberg. There is indisputable evidence that those new titles belong to Lomonosov's library. Thus, it is known that Lomonosov was in the habit of binding several books under one cover. The Helsinki catalogue clearly shows that such multi-volume packages (five-seven books by different authors) had under one cover the books known as belonging to Lomonosov along with ones never mentioned before, such as works of the 17-18th century alchemists, Paracelsus, Pietists and religious dissidents.

The Helsinki online catalogue also contains numerous indications that many of the books from Lomonosov's collection contain pages and pages with his comments and notes, which enormously increases the value of the discovery. The first and only Russian scholar of encyclopedic mind, Lomonosov addressed diverse areas of human knowledge. Many of his projects were never realized and books he hoped to write, never written. His marginalia would provide us with valuable insights into his ideas.

Eugene Beshenkovsky

BOOK REVIEWS

- I. Vladimir M. Bychenkov and Alexander V. Chentsov (eds.), *RuBriCa: The Russian and British Cathedra: An International Journal for British Studies*, Volume 12 (Moscow-Kaluga, 2003). 276pp.

In recent years, there appears to have been a revival of provincial publication in the Russian Federation. An outstanding example is *RuBriCa*, which is published by the Russian Legal Academy, Ministry of Justice of the Russian Federation, Kaluga Branch, in collaboration with the Joseph Conrad Foundation, United States and the British Commonwealth Studies Department, Institute of International Studies, University of Łódź, Poland. To look first at eighteenth-century items listed in the contents of the preceding volumes, as set out on pp. 129-32, Volume 2 (1997) includes 'Rossiianin v Anglii: Otryvki iz pisem odnogo puteshestvennika', by an anonymous eighteenth-century author [in fact, V.F. Malinovskii – Eds.] and edited by A. N. Nikoliukin. Volume 3 contains 'Anglo-Russian "Vermiculars" on the Dniepr, 1786-1787' by H. J. K. Jenkins, and 'Pis'ma iz Londona' by Petr Makarov, 1764-1804, and again edited by A. N. Nikoliukin. Volume 7 is entirely devoted to 'Crime and Punishment in the British Isles in the Eighteenth Century' in French and English 'sous la direction de Serge Soupel', and Volume 11 to 'Drug druga otrazhaiut zerkala: Uil'iam Bekford i ego sled v russkoi literature' edited, or perhaps written, by Elena S. Sebezhko.

To Volume 12, Elena Sebezhko, of the Kaluga State Pedagogical University, contributes an article entitled 'Dialog svkvoz' vremia: Uil'iam Bekford, Boris Zaitsev, Pavel Muratov'. Often, eighteenth-century English literature came to Russia via French or German translation. The fate of *Vathek* is unusual in that its first publication in Russian in 1792 was translated directly from William Beckford's original French, appearing in Lausanne in 1787, the year after an unauthorised English version by Rev. Samuel Henley

came out in 1786. *Kalif Vatek: Arabskaia skazka*, an anonymous translation printed in St Petersburg at the press of the School of Mines, preceded a German version by seven years. However, it made little immediate or longer-term impact, apparently. At least, Elena Sebezhko tells us, twentieth-century Russian writers learned of *Vathek* again from the French, but this time via the discovery made by Mallarmé in 1876.

Both born in the provinces in 1881, Boris Konstantinovich Zaitsev and Pavel Pavlovich Muratov first became acquainted in 1903. Thanks to Mallarmé, Muratov introduced *Vathek* to Zaitsev who made a second translation into Russian with his wife. The new version was published in Moscow by K. F. Nekrasov, the nephew of the poet Nikolai Nekrasov in 1916, with a foreword by Muratov, and a frontispiece purporting to be Beckford but actually of his friend William Courtenay. This was an error first made by Louis Melville in his *The Life and Letters of William Beckford of Fonthill*, published in London in 1910. Muratov died in 1950, having published a fictional account of Beckford's life among other works influenced by *Vathek* and his creator. Zaitsev lived on to see another publication of his translation in the prestigious series *Literaturnye pamiatniki* in 1967, in a print run of 50,000 copies edited by Academician Zhirmunskii. Zaitsev died in 1972. Sebezhko argues convincingly that Muratov and Zaitsev communed with Beckford through a love of travel, especially in Italy, as well as an interest in the supernatural.

Although Beckford never visited Russia, Sebezhko points out that his interest in it was reflected in his correspondence with Alexander Cozens (1717-86), born in Russia, possibly the illegitimate son of Peter the Great and an Englishwoman from Deptford. [Brian Fothergill, *Beckford of Fonthill* (London, 1979), p. 42 writes: "In fact he seems to have been born in Archangel (which, with 'the Persian', was one of the nicknames Beckford later gave him) and was the son of one Richard Cozens, shipwright to the Russian emperor, by his lawful wife Mary, the daughter of a certain Robert Davenport".] After studying art in Italy, he was a teacher at Eton from 1763 to 1768. He wrote several tracts on art, and devised an original system of drawing. This exerted a considerable influence on Beckford,

who wrote in 1781 that he was often visited by Cozens whom he saw as solitary and preoccupied, "almost as full of Systems as the Universe". In 1777 or 1778, Beckford in Switzerland wrote to Cozens recalling what his friend had told him about his early life in Russia, including recollections of his putative father's death and funeral. [See B. Alexander, *England's Wealthiest Son: A Study of William Beckford* (London, 1962), p. 47.] In 1784, Beckford showed great interest in a Siberian magic mushroom, *ibid.*, p. 111.] However, there is no evidence that Beckford's work was directly influenced by what Cozens had said to him about Russia. References to a Georgian prince and a Tatar prince and a Persian friend are as close to Arabia as their correspondence appears to come.

Among other appendices to Sebezhko's article are portraits of Muratov and Zaitsev, as well as of Beckford and the frontispieces of *Vathek* in the original and in translation. There is also a translation into Russian by Vladimir Bychenkov of Beckford's poem 'When the midnight bell rang.'[?]

The other contribution to *RuBriCa* 12 of direct interest to readers of the *Newsletter* is the third in A. N. Nikoliukin's series on Russian writers in Great Britain, his edition complete with helpful notes of excerpts concerning England from the merchant and factory-owner Nikita Demidov's *Zhurnal puteshestviia... po inostrannym gosudarstvam s nachala vyezda iz Sankt-Peterburga 17 marta 1771 goda po vozvrashchenie v Rossiю noiabria 22 dnia 1773 goda*, first published in Moscow in 1786. Although he completed his stay with an exact account of his expenditure down to the last one and five sixths of a kopeck, Demidov was in England as a grand tourist rather than a big businessman. Having noted on arrival in Dover that there was no small difference in clothes and manners between such close neighbours as the French and the English, Demidov stayed in Canterbury, "the oldest town in England *kak u nas Novgorod*". He was impressed with the conditions of the roads, which allowed him in just over seven hours to reach London, where he stayed a month, from 16 May to 16 June 1772. On arrival in London, he went straight to the house of the priest Andrei Afanas'evich Samborskii, who had arranged a flat for him in Conduit Street

not far from the residence of the Russian Ambassador, Count Aleksei Semenovich Musin-Pushkin, to whom he soon presented a letter of recommendation from Count Nikita Ivanovich Panin. Thus received and installed, Demidov could turn to making the most of his sojourn in London.

Without reaching any literary heights or making many telling insights, Demidov presents interesting enough descriptions of St Paul's Cathedral, Westminster Abbey and the Tower of London. Inspecting the Crown Jewels, he is proud to note the large emerald, pearl and ruby presented by the sovereign of blessed and ever-lasting memory IMPERATOROM PETROM PERVYM. He also tells us about mixing with the society of the capital at *vaksal* - Vauxhall (unaware of course of its later inclusion in the Russian language) and other fashionable places as well as at private parties. He attends the court where he sees not only the royal family but also a picture of the destruction of the Turkish fleet at Chesme. He visits the *Kunstkamera*, "the so-called *Museum* [*sic* - another word still to be imported into Russia, albeit from France, it seems]," with its many specimens of natural history and geology, and a catalogue of no fewer than fifty volumes. Of special interest is the exhibition of decorated vases in the Italian manner, lost in Rome but recently found in Naples by Lord Hamilton.

Although in England as a tourist, Demidov was on a busman's holiday to the extent that his stay helped persuade him to send there two of his people, Ivan Sherlaimov and Nikolai Zubrilov, to do accounting and business studies at the end of the 1770s.

In conclusion, one can only salute the editors and contributors for the rich contents of *RuBriCa* and wish them and it continued prosperity. [and possibly greater acquaintance with what exists in English on subjects of mutual interest – Eds.]

Paul Dukes (Aberdeen)

* * * * *

- II. *L'influence française en Russie au XVIIIe siècle*. Publié par Jean-Pierre Poussou, Anne Mézin, Yves Perret-Gentil. Paris 2004 (Collection historique de l'Institut d'études slaves XL, Presses de l'Université de Paris-Sorbonne). 735 pp.

This fat volume contains forty three of the papers given at a wide-ranging conference entitled 'French influence in Russia in the Eighteenth Century', held in Paris in March 2003. It reflects a further initiative in the Franco-Russian *dixhuitiémiste* cooperation which has been very productive in recent years in running conferences and creating joint publishing projects, such as 'Mondes russes' (Paris) and 'Archives russes' (Montpellier) – another recent result was the very solid volume *Le Mirage russe en France au 18e siècle*, ed. S. Karp and L. Woolf (Ferney-Voltaire, 2001). The present conference, timed to coincide with the tercentenary of St Petersburg, brought together the organisational resources of several major academic Slavic centres in Paris, and an unusually varied body of specialists. We are told that "international participation was very important, with a strong Russian delegation" (p. 8). Russia is indeed well represented; otherwise, however, the sole non-French participants are Anthony Cross, Richard Hellie and John Keep. (Lack of an annotated list of participants makes exact identification uncertain.)

The book is divided into six sections. The first, devoted to eighteenth-century Russo-French political, economic and artistic relations, has three corresponding subdivisions, treating respectively diplomacy and international relations; commercial connections; and "the importance and ambiguity of artistic contacts". Under 'Diplomacy', L. Bély offers two rather unoriginal *tours d'horizon*, on Russia's interests in Europe and on the Armed Neutrality. Of particular interest, however, are F.-D. Liechtenhan's essay on Elizabeth's European policy, pointing up southern and religious dimensions of the Seven Years' War, and P.-Y. Beaurepaire's exploration of the Chevalier de Corberon's masonic circle, based on the original manuscript of Corberon's memoirs, far fuller (and more unexpected) than the published version. C. Béchu gives detailed sketches of the seven

French ministers at St Petersburg 1748-91. Under 'The mediocrity of commercial connections' (sub-division two), R. Hellie rehearses standard Russian and English sources (but not a single French one) on French commerce in Russia 1740-1810, and interrogates the gap between French cultural and commercial impact. J.-P. Poussou situates Franco-Russian trade within the larger French commercial context, stressing the importance of indirect transactions. Anne Kraatz's paper on the rather ephemeral 'Compagnie de Russie', based on her 1993 monograph, focuses mainly on memoranda concerning the Russian trade received by successive French governments. Exploring the 'ambiguity' of artistic contacts (sub-section three), M. Pinault-Sørensen's excellent paper on Falconet and his 'Bronze Horseman' concludes with a rebuttal of the claim that Falconet represented "the expansion of French art" into Russia. (She notes, no doubt ruefully, the announcement of a whole new book on her theme, by A. Schenker, which has since appeared and is reviewed by Lindsey Hughes in *East-West Review*, Spring 2004). Falconet's assistant Marie-Anne Collot is, with J. Le Prince and N. Gillet, one of three artists from Lorraine who worked at St Petersburg in the eighteenth century, discussed here by M.-L. Pierre-Dulau.

Section II concerns 'the literary lustre of Enlightenment France in Russia'; again, it is sub-divided into three. The first sub-section exemplifies cultural contacts. F. Bléchet's 'First Fruits of a Franco-Russian Republic of Letters 1717-1740' traces interestingly and effectively the cultural interactions arising from Peter's 1717 visit to France and "the 'winning', as it were" (p. 179) of the French and Russian Academies of Science. However, on the penultimate page we learn that this apparently bi-lateral 'Franco-Russian Republic' was in fact an international network including Amsterdam, Berlin, Copenhagen, London, and even Beijing. Bléchet emphasises the role of l'Abbé Bignon, the Royal Librarian, J. D. Schumacher's French counterpart; she concludes that the 1717 visit, while politically barren, laid the cultural groundwork for the later activities of such as Voltaire and Diderot. N. Kopanév's fascinating account of the hard-headed international book-seller and publisher A. Briasson illuminates his central role both in the Franco-Russian book-trade

and in the creation and publication of the *Encyclopédie*. V. Somov's survey of 'Le livre français en Russie' and of French booksellers there after 1750 emphasises the huge number of volumes bought and translated, and the extent to which the production and dissemination of French books was in fact a multi-national undertaking. In sub-section two, 'Autour de Voltaire et Diderot', S. Menant and P. Zaborov discuss Voltaire, Menant identifying a Voltairean strategy of using Catherine's expansionism to fight obscurantist religion (Catholicism and Islam) and her enlightened despotism to fight ignorance, within as well as outside Russia. L. Versini's overview of 'Diderot et la Russie' adds little to, and makes no mention of, the better-based Francophone works of G. Goggi and G. Dulac, and other existing accounts. O. Kafanova's useful survey of the Russian reception of Marmontel completes this sub-section. Lastly, sub-section three deals with 'French cultural influence'. J. Breuillard's authoritative essay on Trediakovskii follows recent Russian research in tracing his early successes to Catholic and specifically Jansenist patronage, notes his devotion to France and interest in things French, including women's writing, and compares the impact in Russia of his translation of Tallemant's *Voyage à l'Isle de l'Amour* with that of *La Princesse de Clèves* in 17th-century France. S. Viellard links the works of N. Leclerc with questions of Russian national identity and Dashkova's haste to produce the Academy Dictionary; A. Reiman moves from literature to landscape gardening to discuss 'J.-J. Rousseau et l'art paysager russe', highlighting the English influence on both.

Section III, 'Le voyage en Russie au XVIIIe siècle' (without sub-sections), presents a rather mixed bag – those seeking an overview of French travellers in 18th-century Russia can consult W. Berelowitch's excellent survey in *Le Mirage russe en France au 18e siècle*. Here A. Berelowitch impressively reconstructs the life and family of Jacques Margeret, author of the well-known *Etat de la Russie* (1607), but in fact scarcely touches the eighteenth century; F. Crouzet recycles an analysis (previously published in Russian) of A. Demidoff's 1840 *Voyage dans la Russie méridionale*, recounting an 1837 expedition in

which F. Le Play also took part; and P. Gonneau, author of a monograph on the Trinity-Sergius monastery in the Middle Ages, examines perceptions of the monastery by travellers entering Russia, from Herberstein to A. Dumas and T. Gautier (1858). J. Ollivier-Chakhnovskaia makes an interesting if somewhat naïve attempt to pin down the “material conditions of journeys in Russia” for French travellers under Catherine and Paul: she wants to trace the social history (that “grande oubliée”) of travel, and find out what it was really like to journey on Russian routes, negotiate accommodation, find food. A. Cross’s piece on ‘Les Britanniques et le voyage au Nord (*Northern Tour*)’ covers the British Northern Tour with customary solidity and competence but makes no connection at all with anything French. M. Pinault-Sørensen presents three French artists travelling and working in provincial Russia, Le Prince in the North, G. Duché de Vancy in Kamchatka, and J. B. de la Traverse in the Crimea: “these three artists each give us a different vision of Russia a Russia quite different from the ‘policed’ and European Russia of St Petersburg” (p.407).

Section IV presents ‘L’émigration française et la Russie’. Six papers discuss individuals or discrete groups. C. Boppe-Vigne looks at the French émigrés who fled to Russia from Constantinople during the revolution, in two waves 1792-3 and 1798-1800, including the important figure of M.-G. Choiseul-Gouffier. F. d’Agay discusses the Prince de Condé’s émigré corps and its Russian vicissitudes 1797-9. Agay, evidently himself descended from a ‘Condéen’ or ‘Condischer’, looks at these abortive negotiations with Paul’s government entirely from Condé’s own point of view and that of the corps, not from that of Russia; he makes no use, for instance, of the travel account of the Cte de Castres, Condé’s emissary, who journeyed through New Russia seeking sites suitable for settlement. J. Breuillard on the Russian-educated, liberal, free-masonic Héraclius de Polignac, and A. Davidenkoff on Joseph de Maistre’s younger brother Xavier (author of *Voyage autour de ma chambre*) and his connections with Pushkin, are weighty and well-researched pieces on significant early nineteenth-century subjects -- though Davidenkoff eschews the question of

'influence' in favour of a 'convergence' or 'meeting' between X. de Maistre and Pushkin. D. Goutnov briefly presents Napoleon's French prefect of police in occupied Moscow; M. du Chatenet, author of a biography of Admiral J.-B. de Traversay (1996), relates the latter's important naval career in Russia.

De Traversay could equally well appear in Section V: 'Les rapports scientifiques, techniques et militaires entre la Russie, la France et l'Europe occidentale au XVIIIe siècle'. Here M.-A. Chabin anatomises the Russian careers and connections of the astronomer Delisle family; J. Keep analyses Count L.-A. de Langeron's notable critical evaluation, ca. 1796, of the Russian armed forces, probably intended for Grand Duke Paul, but viewed here as a source for French knowledge of Russia. I. and D. Gouzévitch use their extensive researches into the history of technology and science in a fascinating discussion of some Russian developments in ship-building, ballistics and fortification, though connections with things French are somewhat distant. S. de Lastours, biographer of Marshal Tukhachevskii, great-grandson of a Napoleonic officer who stayed on after 1812, offers a rather undifferentiated collection of French military careers in Russia from Peter I to Alexander I; and A. Stroeve continues his research on foreign adventurers with an informative paper on French spies in Russia 1768-74.

Finally (hang in there, gentle reader!), section VI shows due awareness of the multinational and multicultural nature of the European presence by examining 'the western communities in Russia'. A. Cross provides a balanced survey of the St Petersburg British; S. Hasquenoph looks for 'the French Catholic influence in eighteenth-century Russia', but concludes that a religiously coherent French settlement crystallised only in the nineteenth century, and that in the eighteenth it was the general Catholic, not any specific national, influence which was important. M. Martin's article on Montbéliard, home of Paul's Empress Maria Fedorovna and many other immigrants into Russia, 1750-1917, wanders up and down the decades as far as 1920. A. Mézin gives a valuable general overview of

categories of French immigrant, based upon a *Dictionnaire des Français en Russie au XVIIIe siècle* which she is preparing (over 5,000 found so far, the tip of the ice-berg). And V. Rjéoutski studies assimilation through the case of the Delesalle family, settled in 1765 and still in Russia today, now widely split into diverse branches: the fact that the Delesalles, an apparently unremarkable colonist family, enjoyed quite exceptional highly-placed patronage on their initial arrival remains unexplained. Last of all, L. Pimenova essays an overview of Germans in eighteenth-century Russia: an excellent synthesis of the avalanche of recent Russian research on the subject, some funded by Federal German money. Curiously, however, no mention is made of the very significant Federal German work also done in this area over the past two decades and more.

As this extended summary suggests, *L'Influence française en Russie au XVIIIe siècle* offers a wide range of topics and includes some very interesting material. The book as a whole, however, suffers from problems of identity and focus. Periodisation is one. Several papers are seriously chronologically challenged – even the ‘long’ eighteenth century cannot justifiably be extended to 1920 (Montbéliard) or 1600 (A. Berelowitch’s article, excellent in its own right, is quite out of place here, as is Crouzet’s). Few attempts are made to identify or discuss the specificity of the French contributions to Russia: the point is highlighted in Du Chatenet’s generally very solid piece on Admiral de Traversay, where a quotation from J. de Reuilly’s *Voyage en Crimée... en 1803* naming the principal officers serving with and under the Frenchman in the Black Sea naval and civilian establishment lists Dutch, English, French, German, Greek, and Russian. The principal difficulty with the book arises however from the organisers’ and the title’s insistence on French ‘influence’. The conference’s initial intention was apparently less uni-directional, “to attempt to paint a sort of diptych of the epoch whose title would recall the famous works of Prof. Anthony Cross: ‘The French on the banks of the Neva, and the Russians on the banks of the Seine’ But the problematics of influence constantly push the limits wider –

the geographical, thematic, even the chronological limits" (p.11). The thoughtful introductory note by P. Gonneau seeks to marry the diversity of content to a coherent view of 'influence' by insisting on the latter's breadth: "influence is not exactly an arrow which hits its mark, rather a self-propagating wave whose echo never completely dies and whose reactive, returning effect must not be neglected. In every field it is very reductive to restrict oneself to direct relations between France and Russia in the eighteenth century" (p. 12). Just so – but the coherence of different sections here is very variable, and 'influence' comes apparently to mean a variety of things. Moreover, despite Gonneau's best efforts the volume's title is quite misleading: many of the papers have nothing to do with French *influence* however defined. The articles in section III on travel, for instance, show rather the reverse: either French perceptions of Russia, or individual French experience within the country – that is, Russian impact on Frenchmen. Perhaps the fact that the prime mover behind this conference, J.-P. Poussou, is an economic historian explains the relatively small space allocated to the historically most obvious areas in which Russians followed French leadings: material and intellectual culture. On the other hand some of the papers themselves suggest topics and treatments more suited to the book's ostensible theme. Unlike Condé's phantom settlement, the Duc de Richelieu (subject of a recent biography by E. de Waresquiel, 1990) had a decisive and beneficent effect on the development of Odessa and its hinterland, of which he was governor under Alexander I; he appears here several times in passing, but deserves a slot of his own. A. Cross at the end of his discussion of the Northern Tour mentions that Lady Craven's English travel account was put into Russian via the French translation: here is a broad and vital subject, the influence of French in mediating other European literatures to Russian readers. (Pimenova notes the intermediary role of Germans in transmitting French culture.) The list could be extended. The concluding section on national communities suggests a laudable attempt to situate the French vis-à-vis other European elements in Russia, but it lacks rationale and consistency (what about Italians? Dutch? Protestants?), and inner connectedness – what is its relevance

to the theme of the conference at large? how did different national groups interact and what was the impact of the foreign community as a whole on its environment? These questions are not addressed.

But enough complaint – there is much here to enjoy. This must have been a lively and stimulating conference, especially as it used the plenary-session pattern which makes the SGECR conferences effective and inclusive. Taken as a celebration of multi-directional French-Russian relations, this volume publicises much sound and valuable on-going research, and some of the papers, whether Bléchet's on the results of Peter I's 1717 visit to Paris, Beaurepaire's and Breuillard's work on masonic connections, the Gouzévitch's explorations in the history of science, or Anne Mézin's survey of immigration, embody ground-breaking lines of investigation. It would be profitable to SGECR to develop better interactions with our productive and interesting French colleagues, and introduce more French 'influence' into our own circle of activities.

Roger Bartlett (Nottingham)

* * * * *

- III. O. A. Omel'chenko, *Vlast' i Zakon v Rossii XVIII veka. Issledovaniia i ocherki* (Moscow: MGIU, 2004). 604 pp. (Tirazh 350.)

Oleg Omel'chenko's new book is a collection of his writings 1977-2002 on the theme of 'enlightened absolutism'. The items included have been selected to relate to his monograph "*Zakonnaia monarkhiia*" *Ekateriny II* (1993, reviewed in *SGECRN* no. 22 [1994]), but do not overlap with it: this volume is intended to complement the latter, and focuses on "the problem of the evolution of the Russian state-legal (*gosudarstvenno-pravovoi*) system over the eighteenth century and in particular, the problem of the formation of the intellectual and institutional preconditions of enlightened absolutism in Russia" (p.5). Eight out of twenty-eight items are published for the first time; some of these are completely new, other unpublished items date back to Omel'chenko's *kandidat* thesis or are connected with his doctoral (*doktorskaia*) thesis and defence. Many of those previously published appeared in very obscure places (see *SGECRN* no. 18 [1990], pp. 61-3), some in foreign-language publications. The texts have been revised for present purposes, some of them very extensively, others primarily in terms of style and format, and documentary appendices have been omitted: these metamorphoses are recorded in detail in a *bibliograficheskaia spravka*.

The first part of the book contains sixteen articles or chapters, the first three previously unpublished; it is followed in the second part by six reviews or critiques, of major works in the field 1976-99. The third section contains the *avtoreferaty* of both dissertations, and the *vstupitel'nye* and *zakliuchitel'nye slova* of both defences. Omel'chenko's *doktorskaia* dissertation, defended in 2002, 'Monarkhiia "prosveshchennogo absoliutizma" v Rossii. (Politicheskaiia doktrina – Pravovaia politika – Gosudarstvennye reformy)' is his latest word on the subject, elaborating the approach articulated in 1993.

The three opening, hitherto unpublished pieces form a coherent progression. Starting with a critical survey of historiography on the 'state-legal system' in the second half of the eighteenth century, the author proceeds to consideration of the sources of the political philosophy of enlightened absolutism in general, including a useful discussion of the ideas of Christian Wolff, and then to "the official political theory of Russian absolutism of the mid-eighteenth century", tracing its manifestations in political enactments, particularly Imperial manifestos, and its components, which were largely shaped by its initial premise of divine right. The conclusion is that this was a politically conservative theory, justifying both the current political and current social orders. It did not make use of Enlightenment ideas: "In no case can one speak of the reception or even borrowing of the ideology of the Enlightenment, but only of the inclusion of [the system's] own theoretical-politological discourse into the new ideo-legal and political context" (p. 73). In terms of functionality, it sometimes became almost a mythology when tested by tensions between theoretical postulate and state practice, but it never descended into mere demagoguery.

A personal afterword places this research in the context of Omel'chenko's work over the last quarter-century. The author discusses his historical methodology, and takes the opportunity to note changes of discourse and political context over the period, distancing himself decisively from concepts and terms such as 'feudal' and from postulates and terminology of Soviet Marxist-Leninist historiography. The present volume is to be the first in a series bringing together all his varied legal-historical writings. The contents of further volumes announced include Catherine II's government activity and legislative projects, the 1767 Legislative Commission, and other historical aspects of Russian law. We look forward to the continuation of these essential works.

Roger Bartlett (Nottingham)

* * * * *

IV. Konstantin Anatol'evich Pisarenko, *Povsednevnaia zhizn' russkogo dvora v tsarstvovanie Elizavety Petrovny*. Moscow: Molodaia Gvardiia, 2003. 873pp. + 7 ill. ISBN 5-235-02576-8.

During my time spent in the State Archives in Moscow in 2002 and 2003, I dutifully looked at the lists of other researchers who had recently used the *fondy* I was studying. The name 'Pisarenko' was one which occurred with some regularity in the *fondy* dealing with the mid-eighteenth century. It was only after my return to the United Kingdom that I discovered that *Molodaia Gvardiia* had released this volume, as part of their wider series *Zhivaia istoriia: Povsednevnaia zhizn' chelovechestva*. Konstantin Pisarenko is a Moscow-based historian whose work has been based on very thorough and wide-ranging archival work, as reflected in his contribution to the volume *Zagadki XVIII veka* in 2000, and this book is no exception. The breadth of archival and printed materials which Pisarenko draws on contributes to the considerable size of the book - it is almost nine hundred pages in length, divided into twenty-six chapters. Its focus on the reign of Elizaveta Petrovna (1741-61) reflects recognition of the relative lack of scholarship on the period between the two dominant eighteenth-century reigns, Peter I and Catherine II, noted in the book's introduction.

Pisarenko examines the diary of a Court page, written between January 1755 until October 1756, which was preserved in the Kostroma provincial archive (it was published in *Kostromskaia starina*, vol. II, 1892). This was previously thought to be anonymous, although there has been some speculation about the author's identity based on the diary's entries - for example, the author's nameday on 20 May means he was either called Aleksei or Falalei. Dismissing the previous suggestions that it was written by Aleksei Ermolov (based on the fact that it was held in the Ermolov family collection), even though he had not been born when the diary was written, Pisarenko puts forward a very persuasive argument that it was in fact by Aleksei Butakov. He links the entry for 31 October 1756,

which mentions delivering a letter to Field-marshal Apraksin at Chirkovitsa, to a letter from Apraksin to Ivan Shuvalov on 1 November 1756, which mentions a page 'Budakov' delivering a letter to him. There were no 'Budakovs' at Court, but Aleksei Butakov and his brother Petr were Court pages during this period, leading Pisarenko to draw his conclusion. Pisarenko uses entries from the diary to begin each chapter of the book. These entries are usually very brief and are supposedly chosen to accompany a chapter dealing with a different aspect of life at Elizaveta's Court. However, since Pisarenko chooses to follow the chronological order of the diary entries, it is sometimes difficult to see how these entries relate to the chapter in question. For example, the entry for chapter 10 *V gerberge* has very little to do with *gerbergery*, instead noting an opera, two masquerades, and a ball during a period of four days. Despite the drawbacks of this arrangement, there is little doubt that the material presented covers a remarkable number of topics, with chapters dealing with the everyday life of the Court servants, the Academy of Sciences, ambassadors to Russia, military officers, the nobility and their children, life on the streets of St Petersburg, and the Imperial family themselves. The focus of the book stays largely on St Petersburg, where the Court was resident for most of Elizaveta's reign.

Pisarenko's book is not a scholarly volume, in the sense that it falls into the same category as the popular *Zhizn' zamechatel'nykh liudei* series, also published by *Molodaia Gvardiia*. Like Evgenii Anisimov's excellent biographies of Anna Ivanovna and Elizaveta herself in that series, the target audience appears to be located somewhere between academics and a well-informed public. This necessarily has an impact on the presentation of material and the tone of the writing, which becomes clear in Pisarenko's occasional lapses into antiquarian history - for example, his 'tours' of the Imperial palaces. The popular nature of the work may be responsible for his approach to the assertions of some of his sources. For example, the work of Jacob Stählin is used unquestioningly to discuss the talents of the young performers at the Opera house, and the inclusion of several mathematical sums in the album of Maria Naryshkina is used to comment on the quality of female education. The lack of a

thesis to the book is another major indicator of the popular style. Pisarenko presents his material in a lucid manner, but there is no overarching theme, nor does he seek an explanation for some of the phenomena he describes, except in the very widest terms (i.e., the aftermath of Peter I's reforms).

Whilst the large number of archival sources used to illustrate the chapters is very impressive, it raises the issue of organisation, especially given the absence of an index. For example, there is a very good section on noble clothing included in Chapter 3 (on the theatre), but it seems out of place given the subject of the rest of the chapter. The system of footnoting also suffers from the restraints of the more popular style. Whereas in Anisimov's aforementioned biography of Elizaveta for the same publisher, he referenced his sources in the text itself, using the bibliography at the back to give the titles in full, Pisarenko actually includes quite extensive footnotes (in all, sixty-five pages). However, although the footnotes themselves provide full and accurate source information, they only occur every third or fourth paragraph, meaning that one is often dealing with four or five references aggregated into one footnote. Given the large number of archival sources, this makes any attempt to trace a piece of information much more difficult. The lack of a list of abbreviations is another oversight in this respect.

At the same time, Pisarenko's approach allows him some very interesting and often entertaining forays. For example, in his chapter on St Petersburg, he discusses the process by which the College of Foreign Affairs goes about finding new premises between 1751-53 and looks at the various options open to them, which entails a series of reports on the 'facilities' at each prospective site. For anyone who has ever wondered about the nature of one of the most-frequented rooms in any house, this is very illuminating. It is in areas such as this that the real value of Pisarenko's book lies. The fact that it has a rather antiquarian tone and no overall thesis is not so much a criticism as an observation - this is a popular book, rather than a monograph. Whatever the restrictions of the popular style or the demands of the publisher, the fact remains that Pisarenko has used a large and varied

number of archival documents, which relate to many different aspects of life in Elizaveta's Russia, to produce a very useful book for historians of eighteenth-century Russia.

Paul Keenan (London)

* * * * *

EDITORS' POSTBAG

We hope that this year's *Newsletter* has appeared, as planned, in time for the SEVENTH INTERNATIONAL CONFERENCE, which is being held at Wittenberg, Germany, from 23 to 28 July 2004. We would like to include a report of the conference in next year's *Newsletter*, if anyone would care to submit one.

Readers will have noted that in the past three or four years the *Newsletter* has carried more substantial articles than the notes of earlier years. We welcome contributions for any of our usual sections and are particularly anxious to receive extensive reviews of non-English-language works on the Russian eighteenth century.

ANNUAL MEETING OF THE STUDY GROUP

The next annual meeting will take place on Tuesday 4 to Thursday 6 January, 2005, at the High Leigh Centre, Hoddesdon.

The provisional programme includes papers from Ilya Vinitsky (University of Pennsylvania, USA): "A Cheerful Empress and Her Gloomy Critics: Catherine the Great and the Eighteenth-Century Melancholy Controversy"; Roger Bartlett (UK) "German Popular Enlightenment in the Russian Empire: Peter Ernst Wilde and Catherine II; A.V. Demkin (Moscow) on Anglo-Russian trade relations; Erin McBurney (Columbia University, USA) on the reign of Empress Elizabeth.

The organizer is still seeking papers for the meeting on any topic in any discipline related to the 'long' eighteenth century in Russia and the Russian Empire. The format of meetings allows a generous 45-50 minutes per paper (although shorter reports are also welcomed) and provides an excellent opportunity for discussion and feedback from an international audience. We particularly welcome postgraduate students, for whom we have a limited number of free or subsidized places.

The total cost for registration and two days' accommodation with all meals and beverages

from tea on Tuesday to lunch on Thursday will be in the region of £95. (En-suite rooms are available for a supplement.) High Leigh Conference Centre is easily reached by train from London (20 minutes) or from Stanstead Airport. Registration forms will be mailed to members in the UK and Europe in November, with an electronic version circulated via our e-mail list for those further afield.

Please send offers of papers and enquiries to Professor Lindsey Hughes, School of Slavonic and East European Studies, Senate House, Malet St., London WC1E 7HU, email: l.hughes@ssees.ac.uk

70th ANNIVERSARY OF THE SECTOR FOR THE STUDY OF EIGHTEENTH-CENTURY RUSSIAN LITERATURE

The anniversary of the Sector was marked by a meeting in *Pushkinskii dom* on 26 February 2004. Greetings were sent from the Study Group, emphasizing the longstanding and ongoing close ties between us and the Sector.

CONFERENCES

'Encyclopedia as a Form of Universal Knowledge: From the Epoch of Enlightenment to the Epoch of Internet', an international conference to be held on 8-9 October 2004 in St Petersburg. Call for papers. Proposals to Prof. Tatiana Artem'eva and Dr Mikhail Mikeshin, e-mail: art@tal3796.spb.edu or tel./fax +7 (812) 444 1233.

NEW JOURNAL

A new annual almanac entitled *Classical Russia, 1700-1825* will be published by Charles Schlacks in California and edited by Elena Marassinova of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow.

Research articles, review essays and book reviews in English, French, German or Russian are sought. Enquiries to the editor at the following address: Russia, 117321 Moscow, ul. Ostrovitianova, d. 20, kv. 81; tel. +(095) 511-06-56. E-mail: LenaMarassinova@mail.ru

NEW WEBSITE FOR CATHERINE THE GREAT!

Professor Douglas Smith announces the new website devoted to Catherine II's personal correspondence with Prince Grigorii Potemkin at www.loveandconquest.com

PUBLICATIONS

James Cracraft, *The Revolution of Peter the Great* (Cambridge, Mass. And London: Harvard University Press, 2004). 192 pp.

Irina Paert, *Old Believers, Religious Dissent and Gender in Russia, 1760-1850* (Manchester University Press, 2003). 272 pp.

Jean-Pierre Poussou, Anne Mézin and Yves Perret-Gentil (eds.), *L'influence française en Russie au XVIIIe siècle* (Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 1994) 736 pp.

Ernest A. Zitser, *The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great* (Ithaca: Cornell University Press, 2004) xii, 240 pp.

PLAGIARISM

In 2003 the publishing house Akademkicheskii proekt published in St Petersburg a *Panteon rossiiskikh pisatelei XVIII veka*, written by L. Berdnikov and Iu. Serebrianyi, who now live in Los Angeles. "Written by", is not, however, necessarily the same as "composed by", as is clearly demonstrated in a short article entitled 'Chuzhoe - moe sokrovishche? K vykhodu v svet "Panteona rossiiskikh pisatelei XVIII veka"' and published in the 'Replika' section

of the journal *Russkaia literatura* (no. 4 (2003), pp. 259-65). The authors of the said article are the Editors of the magisterial *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, the final volume of which is eagerly awaited. They are rightly indignant at what they call a "redkii po svoei bezzastenchivosti plagiat", in which some two thirds of the entries were copied or adapted from corresponding entries in the first two volumes (1989 and 1999) of the *Slovar'*. Entries for authors not yet covered in the *Slovar'* are full of mistakes and inaccuracies, but a 'review' was not the point of the communication, simply the revealing of "literaturnoe vorovstvo".

CORRECTION

Professor Boris Uspenskii writes:

"In the latest volume of *XVIII vek* (xxxiii (2004)) Professor I.Z. Serman, referring to the edition of N.M. Karamzin's *Pis'ma russkogo puteshestvennika* (Leningrad:Nauka, 1984), which was prepared by Iu.M. Lotman, N.A. Marchenko and myself, asserts that 'N. Marchenko' is the pseudonym of Irina Paperno. This does not accord with the facts. Nonna Marchenko is a real person who took an active part in the edition, contributing in particular the article on the history of the text of Karamzin's *Pis'ma*, which Professor Serman ascribes to I. Paperno."

We note that Professor Paperno herself concurs.